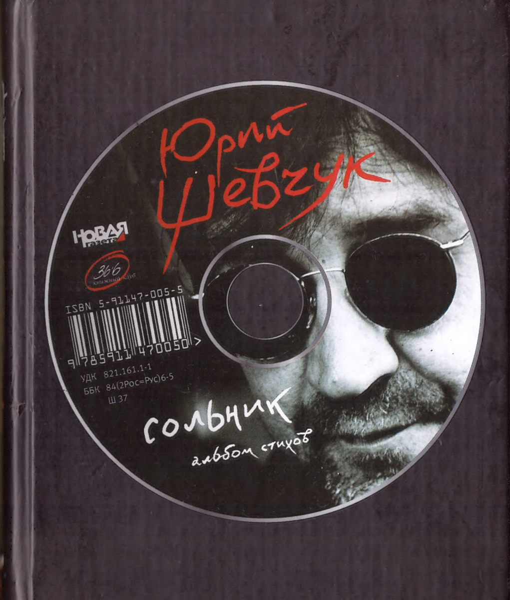

Юрий Шевчук
Новая газета
ISBN 5-91147-005-5
9 785911 470050
УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ш 37
сольник
альбом стихов

Юрий Шевчук Сольник
альбом стихов

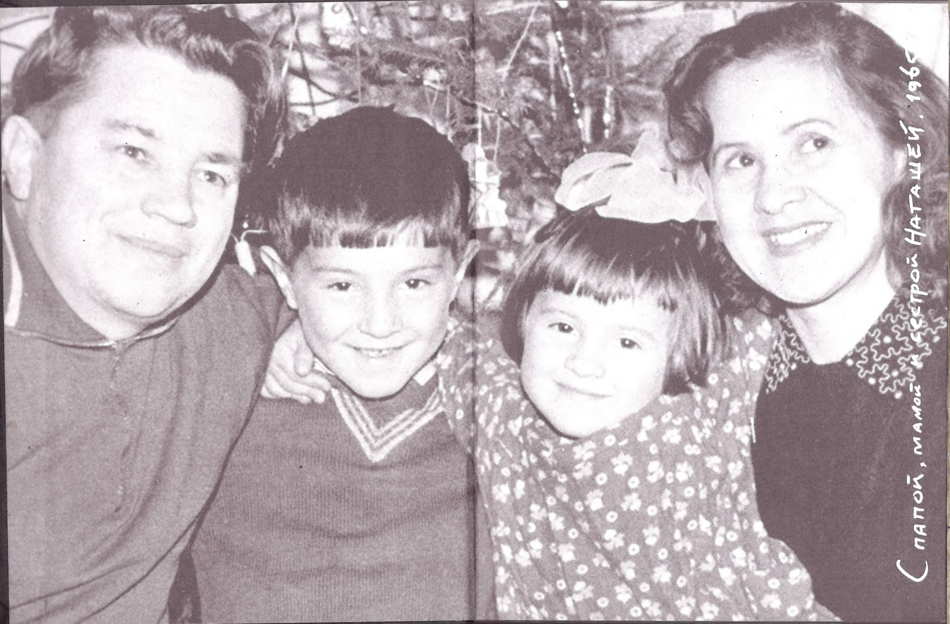

Юрий Шевчук

Новая газета
366 книжный клуб
ISBN 5-91147-005-5
9 785911 470050
УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ш 37

Сольник

альбом стихов

С папой, мамой и сестрой Наташей. 196

Мама Фаина. 1965г.

Эльмира с Петром. 1987

Это я

Это мой друг Рашит Янгиров

Эту книгу
я посвящаю
маме,
Эле,
Рашиту

СОЛЬНИК

альбом стихов

москва
новая газета
книжный клуб 36.6
новый регион
2009

Издание второе,
исправленное и дополненное

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ш 37

Шевчук Ю.
Сольник: Альбом стихов. —
М.: "Новая газета", 2009. — 208 с.
ISBN 978-5-91147-005-0

СОДЕРЖАНИЕ

поэт российского рока 11

трек 1

питер, прогулка 15
когда един, когда ты — единочество... 23
мы раздевались долго... 25
актриса весна 26
уровни 27
белая ночь 28
ларек (бородинó) 29
пропавший без вести 33

трек 2

твой взгляд усталого подъезда... 37
соскочивший с дороги, упавший на полном ходу.... 39
оттепель 40
в иерусалимском серебре... 43
черный пес петербург (1992) 44
расстреляли рассветами память... 46
сериал 48
энергия слабости 50
заблудились в изгибах изгои... 52
коронована луной, как начало, высока... 53

трек 3

метель августа (новое сердце) 57
рождество 2001 59
предчувствие гражданской войны — 1988 60
крыса 62
тюрьма 65
террорист 66
больница белая забылась в бледных снах... 68
рождество 2001 "вертеп" 69
миллениум 71

трек 4

капитан марковец (1995) 75
чечня 77
ангел 78
сен-дени 80
дом 82
площадь 84
сон 85
беда 86
адам и ева 88
понедельник 90
любовь 92

трек 5

я 95
серый голубь 97
мама, это рок-н-ролл 99
что мне расскажет спящий проводник... 101
новая жизнь 104
поэзия 106
дуэль 108
в последнюю осень 110
храм 111
коммунизм подошел, как весенние талые воды... 113
понимающее сердце 115

трек 6

уйти 119
по утрам я моцарт, по ночам сальери... 120
николай 122
луна зевает на тропарь... 124
волга 125
белая река 126
железнодорожник 128
седьмое июля 130
громадина моря, угрюмая птица... 131
180 см 132
мне снилась мама в мае... 134
любовь, подумай обо мне 135

трек 7

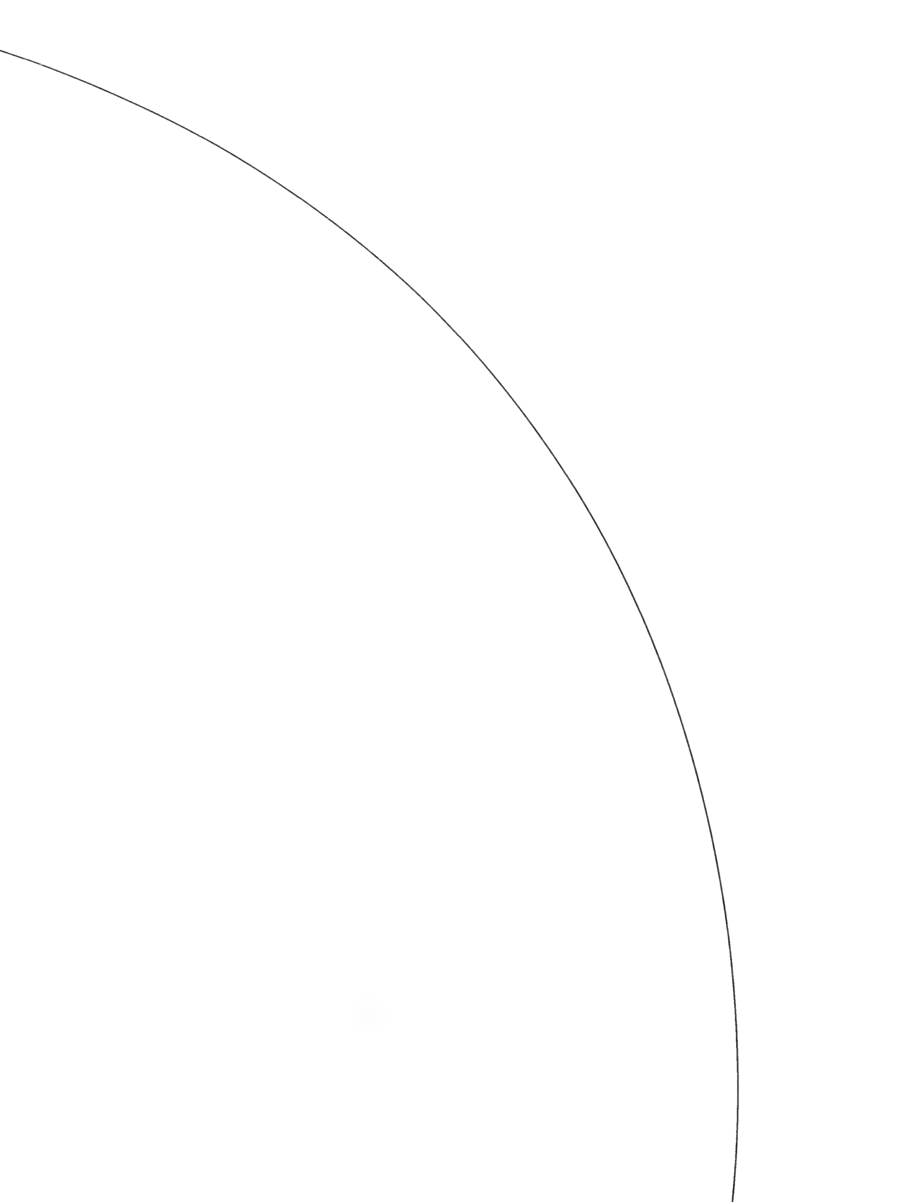
белой ночью 139
ты не позвонила... 142
война бывает... 144
мальчик-слепой 146
детская больница 148
нежность 150
рождество 2002 152
рождество 2005 153
рождество 2006 154
рождество 2007 155

трек 8

рождество 2009 ... 159
контрреволюция ... 161
рабочий квартал ... 164
наша борьба ... 166
93-й год ... 168
кавказские войны ... 172
коза и гусь ... 175
там, где тьма стоит у света... ... 178
мусульманский месяц вышел... ... 180
змей петров ... 182
мы вечно в пути, мы — голодное где-то... ... 183

трек 9

джульетта ... 187
диана ... 188
эшли ... 190
чулпан — дурман медовых голосов... ... 192
разгребая ручищами воздух... ... 193
десять лет, как живем вдвоем... ... 194
300-летие петербурга ... 197
крики чаек и культуры... ... 199
потоп ... 200
садовое кольцо ... 201
амбиций — нет, остался тихий праздник... ... 205

поэт российского рока

...Шевчук много лет отмахивается: “Да какой я поэт!” (в отличие, заметим, от попсы, охотно именующей себя и поэтами, и композиторами), подписывается музыкантом. Он не страдает ни манией величия, ни комплексом неполноценности. От первой его страхует постоянно работающее самосознание (как раз отличающее настоящих поэтов), от второго — полные залы на всех концертах в любом уголке страны (а ездит он постоянно).

Конечно, многое из того, что вошло в альбом стихов, — песни. Но и на бумаге, без музыки, они, что замечательно, — существуют! Даже — живут. Ни высокий градус не снижается, ни характерная шевчуковская интонация не улетучивается, как часто случается с текстами песен, оторванными от мелодий, — даже у знаменитых бардов.

Но и самым ревностным почитателям Шевчука известно по концертам и записям далеко не все, что вошло в “Сольник”. В этой книге есть нигде не публиковавшиеся стихи, изначально не предназначенные для пения. И после ее выхода в свет Шевчуку уже будет трудно отвертеться: если пишете лирические стихи, то — как вас теперь называть?.. Вот именно, Юрий Юлианович.

А разве мог не поэт написать такие, например, строчки:

Там, где тьма стоит у света,
где небритые умы...

Или:

Гражданин начальник скачет
Документом на ветру...

Или:

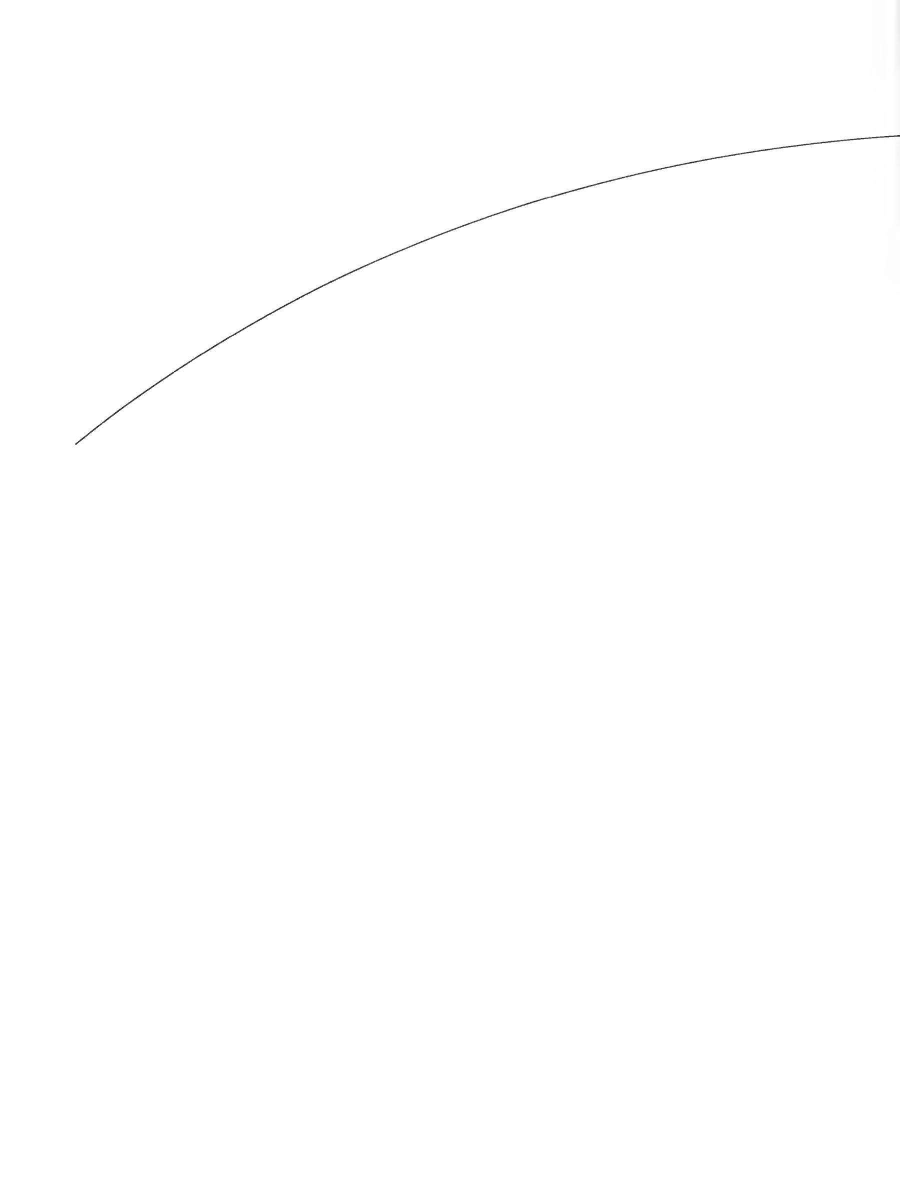
На стальных облаках косит прошлое
ревностный Бог,
Подрезая людей, чтоб они продолжали расти...

А это уже целая философия, образ, как и положено настоящему образу, неисчерпаемый...

Мы знаем — перед вами первая полноценная книга поэта российского рока Юрия Шевчука, которую мы радостно издаем.

[новая газета]

трек 1

питер, прогулка

Питер,
На мне привычные к ходьбе ноги
И старый свитер.
Питер,
Мое тело вырвалось из берлоги,
Сползло с дивана,
Послушать, как решетка Летнего сада
Звенит на ветру.
Питер,
Даже цари здесь когда-то вставали рано,
Бродить во главе парада.
Питер,
Мне надоело бестолковье телеэкрана —
Ленинград, мать его, точка.ру

Питер,
Здесь уже с утра наступает вечер.
Карамельные купола Спаса,
Расцветки моего матраца
Отражают
Милые сердцу уютные представления о рае,
Но мне умирать нечем.
Не мы, Питер нас выбирает,
Остальные живут в другом граде,
Бродят
В многоэтажном, тысячеглазом стаде,
С застрявшими в почках обломками Петрова камня.
Я когда-то там был и помню,
Как балансировать между парфюмом и вонью,
Но не верю уже весам я.

Питер,
Марсово поле,
Ленэнерго, белые сны без соли.
Питер,
Блокадник-кондитер,
Сыплющий черствые дольки счастья
В голодные рты.
У Вечного огня — тени,
Греют замерзшие руки.

Всклокоченные и непокорные бомжи,
Отражая звуки,
Становятся на колени
И вспарывают животы.

Банзай, Питер!
На постаменте Юпитер.
Суворов — слеза ребенка,
Приваренная к мечу.
Детские игры стали
Совокуплением крови и стали.
Верным слугам Империи
Даже Родина по плечу!
"Музыка весьма пользительна,
Особливо барабан,
помогает ходить строем".
На марше и под конвоем
Приподнимает дух
Этот подъемный кран.

Питер,
Вязь монархических литер,
Еще продолжает быть.
Sine me de me, без меня обо мне, битте,
Стоит ли говорить?

2428

Питер,
Старый больной репетитор
Утюжит дурные и буйные, недоразвитые мозги,
Что через несколько лет
прекращают мочиться в подъездах
И выступают на писательских съездах,
Посланцы степей и туманов
Азиаты суровой зги.

Питер,
Нева с пепельными лоскутьями льда,
Который ворохом старых писем
Стынет в темных взглядах прохожих.
Близость суровой смерти и ледяная вода
Делают нас моложе.
Я на Троицком мосту — всегда расту.
Питер —
Собаки, вороны, храмы.
Проходняки от БГ до Ламы.
На рекламном щите с кокотством,
Какая-то юная дева,
С бананами и утюгами.
Буржуазная королева
Констатирует наше
с тобой физическое уродство.

Питер,
А где-то цветут заморские страны.
Обдолбанные афроамериканцы,
В объятиях нирваны,
На Hollywood avenue
Требуют только одно — увеличенное меню.
А мы там всегда засранцы,
Мы печальное этих стран отражение,
Мы — гамлетовская тень, вытекающая из раны,
Мы — поражение любой европейской идеи,
Выползешь на Бродвей, и мысль в башке:
“Иде я?!”
Мы слыхали про политкорректность,
Но то, что дозволено Юпитеру,
Не разрешено быку.
Олухи уплотнительных застроек
В бетонном соку
С упоением вытирают ноги
О ржавый фасад города —
Растреллиевское ку-ка-ре-ку.

Питер —
Конец природы,
Всплески крутой свободы,
Выкидыши и роды,

Горький в чаду машин.
Век на плечах.
Соцреализм — чугунный, пустой кувшин,
Соцреализм — пепел в надгробных речах,
Картины типа "Большая уха на Селигере",
Пьесы типа "Сталевары" —
Пылятся на площадях эти
антикварные пионеры
Революционного перегара.

Питер,
Не пересыхающий мой литр.
Выпивать здесь всегда красиво.
Романтизм, ар-деко, барокко.
Прет классическая перспектива
Альтернативой подпольного рока.
Пили Герцен и Достоевский,
Исторический овердрайв,
Как Распутин блевал на Невский,
Голося: "Rock'n Roll is live!".

Питер,
Проясняет случайность твоего существования.
Питер — экзистенциальная
и метафизическая свобода.

А если проще —
никому ты здесь на хрен не нужен,
Не вписывается твоя гармонь
В его симфоническую партитуру.
Этот конь,
В пространстве, изнасилованном архитектурой,
Поедает тебя на ужин.
И поэтому здесь уже не существует народа
В понимании объема нации.
Здесь каждый, если хотите, инопланетного рода.
Пассионарят лишь скинхеды-наци, и
На каждое их “бля” —
Одиночество твоего “я”.

Питер, Питер,
Я устал,
Я устал,
Я устал от плевел отделять зерно,
Я устал от гнилой контркультуры,
От попсовой своей натуры,
От “Тойот”, “Жигулей” и “Рено”,
Я устал
На-гора выдавать говно,
Я устал наблюдать в метели
Эротизм Петропавловской щели.

Я устал жить во тьме, в бреду.
Вечно в очереди, нулем в ряду.
И хоть мучит меня бессилье,
Я не с “Единой Россией”.
Я пространство люблю не хором,
Интонирую частным взором.
Ведь ты тоже индивидуалист, Питер,
И мы кладем на них всех с прибором.

● ● ●

Когда один,
Когда ты — единочество стреляющих теней,
В лесу застывшем, среди камней и льдин.
Когда луна ползет по коже обмороженных берез,
По горло в спящем мире.
И нож в руке разбойничий, стальной —
По сытой лире.
И видишь голоса, почти живые,
На слух неразличимые у ельни,
Звенящие сухими камышами.
Когда на дальнем берегу огни деревни
Взъерошенными псами
Уныло воют в небо на дугу.
В такие ночи мертвые стекаются на озеро.
Все павшие, убитые, слепые
Бредут, ощупывая тьму и неотпетый прах,
Все позабытые...
Когда твой телескоп разбился в небесах...
Когда луна, объединяя суету в единое и цельное
Пространство,
Заморозила сырье непостоянства
И во дворе висящее белье.
Когда один, один, играющий в войну...
Так тихо и коварно.

Я понимаю, на бред похож мой Век.
Меня в него не звали.
Слова следами на снегу рифмуются бездарно,
Соотношенья эти никогда не создадут луну,
От них едва ли родится новый человек.
Но все ж един я с этими больными облаками,
Рябой землею, лесом, озером и мертвецами.

● ● ●

Мы раздевались долго.
Когда упал последний лист,
Я стал зимой.
Но ты не испугалась,
Ты заискрилась мехом,
Ко мне прижалась
И отдалась со смехом.

Пчел золотистых рой
Нас медом напоил.
И ангел-шестикрыл,
Что над постелью нашей
Музыку листал, зевая,
Наблюдая
Бесконечность счастья,
И выковыривая Моцарта из пасти,
Вдруг улетел,
Брюзжа на надоевшие ему
Забавы рая...

актриса весна

э.ш.

Актриса Весна после тяжкой болезни снова на сцене.
Легким движеньем вспорхнув на подмостки
оттаявших крыш,
Читает балет о кошмарной любви и прекрасной измене,
Танцует стихи о коварстве героев и верности крыс.

Овации улиц окрасили город священным зеленым.
От этой молитвы обрушилось небо лавиной тепла.
Несмолкаемый бис площадей засиренил
галерки влюбленных.
В залатанных фраках фасадов заполнила партер зола.

Солнце-генсек мусолит лорнет в императорской ложе.
Мрачно ворчит о расшатанных нервах, что греть не резон.
Приподнимает за подбородки улыбки прохожих
И, крестясь, открывает семьдесят пятый
театральный сезон.

Актриса Весна! Актриса Весна!
Позволь нам дожить,
позволь нам допеть до весны...

уровни

Уровни...
Уровни жизни,
Уровни быта —
Бесконечная многоэтажка
Вселенной.
Секс да икона.
Грязь да корона.
Вечный рассвет над волосами,
Да закат между нами.
Доменная печь между ног.
Каждому — свой бог.
Кипящая эротика в центре земли,
Вечернее небо над золотой степью,
Жизнь, болтающая со смертью.
А где ноль?
Где ноль-горизонт,
Где этот вечный поцелуй
Земли и Неба?
Эх, водки бы нам да хлеба.
Зачем Жизнь?
Зачем Смерть?
Зачем Мы,
Эти вечные песочные часы
Без притяжения?

белая ночь

Не дожить, не допеть,
не дает этот город уснуть
И забыть те мечты,
чью помаду не стёр на щеке.
В эту белую ночь твои люди – шаги,
как враги,
Обнаженная ночь,
твоя медная речь – острый меч.

В эту белую ночь, да в тёмные времена...

Как ты там, за чертой,
где ты там в тишине.
Заболел я душой,
что вернулась ко мне.
Эта белая ночь
без одежд ждёт и просит любви.
Эта голая ночь,
пропаду я в объятьях ее, не зови.

В эту белую ночь, да в тёмные времена...

ларек (бородино)

Ветер. Шпалы на петлицах,
Ночь, вокзал, глаза в окно.
Вскрыли вены и границы
Небеса Бородино.

Фонари грызут аллею,
Паровоз как глыба льда.
В черной копоти на реях
Вороненая орда.

Злой этап, глотают нычки,
Бьют прикладом сопляка.
Зэки спят на перекличке,
В грязной луже у ларька.

Гражданин начальник скачет
Документом на ветру.
А на рельсах время плачет,
Будем счастливы к утру.

Жизнь больная, кашель-скука,
Пьет изжога из реки —
Лижет пепел, лает сука
По движению руки.

В забинтованном вокзале
Так смертельно ледяно,
Сыпят ржавые медали —
Небеса Бородино.

Верили, что точно знаем,
Жизнь не будет так горька —
Проживем в тепле, да с краю,
Ковыряясь у ларька.

Мы ларьками сцепим землю
Свяжем Запад и Восток.
Бей "Макдоналдсы" — приемлю
Только наш родной глоток.

Наш ларек нам всем утеха,
Реет смыслом на ветру.
В нем беда и дискотека,
В нем — спасенье поутру.

Русь моя, ты снишься многим,
Вещий сон — всегда кошмар.
И богатым, и убогим —
Всем достался этот дар.

Что же нам открыто в мире?
Что нам отрыгнут века?
В пятикомнатной квартире
Я спиваюсь у ларька.

На мою свободу слова
Льют козлы свободу лжи.
Гражданин начальник, снова
Сказку злую расскажи.

Кем нам стать, уже не знаю.
Верим ли, что сталь крепка?
Русь закатом добивают,
Распиная у ларька.

Города стучат экраном
В лбы замерзших деревень,
Мы уходим слишком рано,
Оставляя дребедень.

Мы прошли свою дорогу
По фашистам, по попсе,
Мы тащили души к Богу,
Жалко, выжили не все.

И духовно, как на вздохе —
Режет небо красота.
Мы зубами твои крохи
Рвем до чистого холста.

Красота, ты здесь родная —
Недоступна, нелегка,
За тобою наблюдаем,
Похмеляясь у ларька.

Ты спасешь нас, точно знаю,
Я твой враг, твоя еда...
Красота не исчезает,
Лишь уходит иногда.

пропавший без вести

Закрылась дверь, он вышел и пропал,
навек исчез — ни адреса, ни тени.
Быть может, ветер что-то рассказал
про суть дорог и красоту сирени.
Пропавший без вести, скажи, как не найти,
открыткой стать и вырваться из сети.
Неверный шаг, растаявший в пути,
Всеперемалывающих столетий.

Я замечаю, вижу — ты везде
лежишь печально снегом на аллеях,
в листве сырой, в растрепанном гнезде,
на мертвых пулях и убитых целях.
Пропавший без вести, я где-то замечал
твои глаза, улыбку и походку.
Ты, исчезая, что-то мне кричал
о злой любви и требовал на водку.

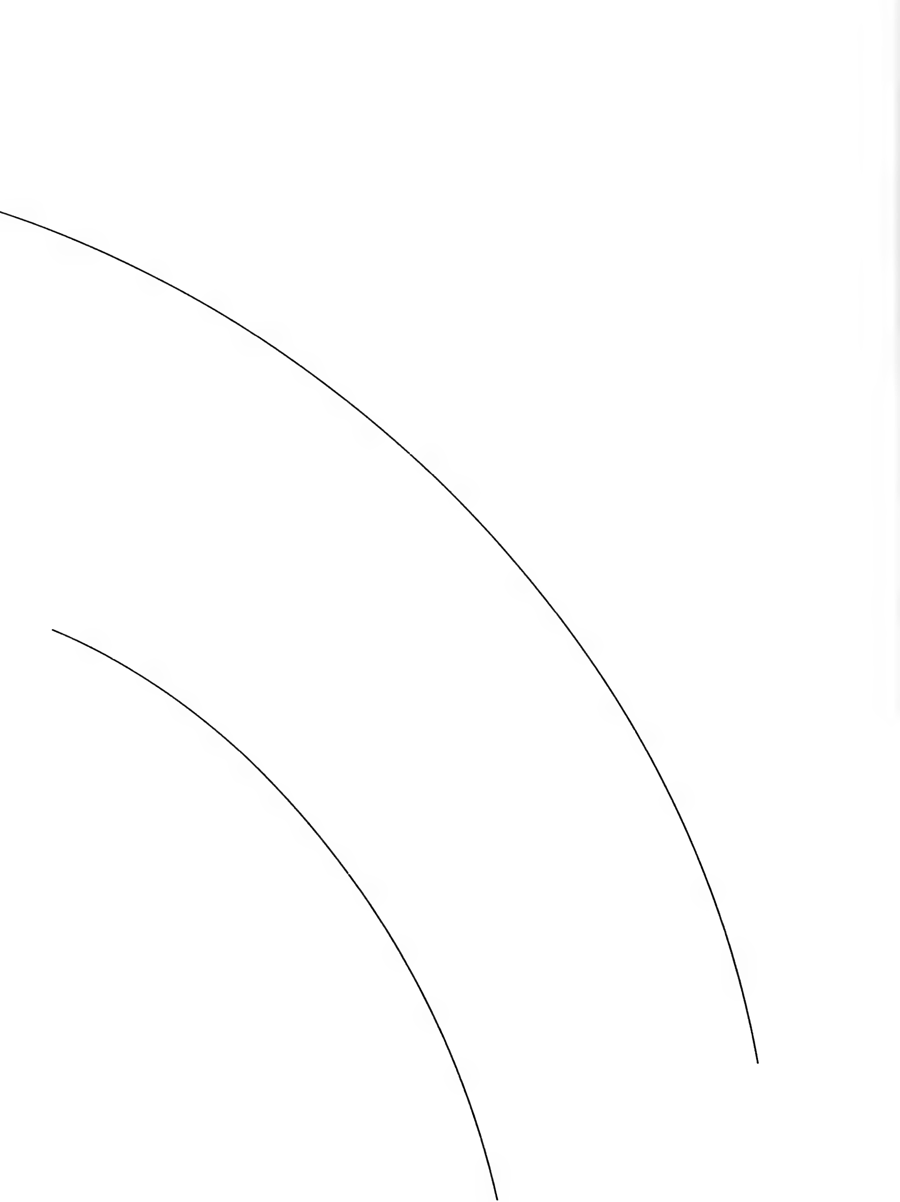
Пропавший без вести смешал весь этот мир,
добавил в сущность — ложку человека
без наготы, без ксивы и квартир,
Лишь на секунду выпавший из века.
Пропавший без вести, ты знаешь обо всем
о том, как выйти за пределы смысла.

Не воскрешен, но вечен, с Ним и в Нем
уничтожаешь формулы и числа.

Жизнь дорожает, выбившись из сил,
зализывает раны после драки.
А ты на этом полотне светил
мне подаешь таинственные знаки.
Пропавший без вести, я верю — ты живой,
Вас — миллионы бродят между нами.
Взгляните на могилы с номерами
и на свой путь — очерченный, прямой...

Пропавший без вести —
Я назову Тобой дорогу.

трек 2

● ● ●

Твой взгляд
Усталого подъезда,
Где темно,
Оплеваны ступени
И окно разбито.
Лампочка горит
Не разгоняя – собирая тьму,
Гул от шагов,
Чужие номера и двери
И лужи у дверей.
Облезлый кот
На ржавой батарее,
Глаза кота
И больше ничего...

Он выгнул спину,
Распушил загривок,
Бельмо на левом,
В правом страх и ярость.
Он зашипел, как может только старость,
Когда она, отрекшись от всего,
Имеет лишь изодранный покой.
А больше ничего,
Покой,
Лишь надписи на стенах
Об изменах,
А больше ничего,
Твой взгляд...

● ● ●

Соскочивший с дороги, упавший на полном ходу,
Все для драки готово, с землею спиною к спине,
Я смотрел на настигшее время и в смертном бреду
Прошептал твое имя, и мир обратился во мне.

Что-то было, не помню, еще, их глаза-голоса
Чьи-то рвали дома, кто-то вешал и бил фонари,
Над Москвою горели непроданные небеса,
Мы смотрели на них, задыхаясь от этой зари.

Так тревожно любить — ворожили на мне не дыша
Твои лица и пальцы, врачи отрезали грехи.
В нашей длинной стране дураки умирают спеша,
Чтобы, снова родившись, писать неземные стихи.

Я пронес твое имя, назвал берега всех дорог
Верным словом Любовь, с запятыми —
прощай и прости.
На стальных облаках косит прошлое
ревностный Бог,
Подрезая людей, чтоб они продолжали расти.

оттепель

Плюс один, ноль, плюс два, почернела Зима,
раскумарил Январь мир, сошедший с ума!
С юга ветер приполз, неспособный на бег,
пожирает, дохляк, пересоленный снег.
А за ним, как чума, — Весна!

А на Невский слеталася стая сапог,
а на Невском такая стоит кутерьма,
а над Невским в глазок наблюдает тюрьма,
состоящая из одиноких мужчин,
не нашедших причин дарового тепла.
Непонятна весьма — Весна.

Из Сайгона-влагалища, как тараканище,
выполз на свет, собирая рубли,
волосатый пескарь: “Налетай, хиппари!
Продаю за бесценок свои попурри!”

А в каналах вода отражает мосты,
и обрывы дворцов, и колонны-леса,
и стога куполов, и курятник-киоск,
раздающий за так связки вяленых роз!

А культура, вспотев в целлофане дождей,
объявляет для всех Ночи Белых Ножей,
и боимся все мы, что дойдем до войны...
Виновата она — Весна.

Эй, Ленинград,
Петербург,
Петроградище,
Марсово пастбище,
зимнее кладбище,
отпрыск России,
на мать не похожий,
бледный,
худой,
евроглазый прохожий.
Герр Ленинград,
до пупа затоваренный,
жареный, пареный,
дареный, краденый.
Мсье Ленинград,
революцией меченный,
мебель паливший,

Дон перекалеченный.
С окнами, бабками,
львами, титанами,
липами, сфинксами,
медью, “Аврорами”.
Сэр Ленинград,
Вы теплом избалованы,
Вы в январе
уже перецелованы
жадной весной.
Ваши с ней откровения
вскрыли мне вены
тоски и сомнения.
Пан Ленинград,
я влюбился без памяти
в Ваши стальные глаза...
Напои допьяна, Весна.

• • •

В Иерусалимском серебре,
Одета в ночь, судьбу и камни,
Ты помолилась о заре,
Но в небесах закрыты ставни.

Ты вспоминала обо мне,
Не знала, что настолько грешен
В Иерусалимском серебре
Вид голых яблонь и черешен.

черный пес петербург (1992)

Черный пес Петербург — морда на лапах,
Стынут сквозь пыль ледяные глаза.
В эту ночь я вдыхаю твой каменный запах,
Пью названия улиц, домов поезда.
Черный пес Петербург — птичий ужас прохожих,
Втиснутых в окна ночных фонарей.
На Волковском воют волки, похоже,
Завтра там будет еще веселей.

Черный пес Петербург — я слышу твой голос
В мертвых парадных, в храпе замков
Твои ноты разбросаны всюду, как волос,
Капли крови на черствых рублях стариков.
Черный пес Петербург — крыши, диваны,
А выше поехавших крыш — пустота.
Наполняются пеплом в подъездах стаканы.
В непролазной грязи здесь живет чистота.

Черный пес Петербург — рассыпанный порох
Тайн этих стен, гробовой тишины.
Дышит в каждом углу по ночам странный шорох,
Здесь любой монумент в состоянии войны.

Черный пес Петербург — время сжалось луною,
И твой старый хозяин сыграл на трубе.
Вы молчите вдвоем, вспоминая иное
Расположение волн на Неве.

Черный пес Петербург — ночь стоит у причала.
Завтра в путь, и, не в силах судьбу отыграть,
В этой темной воде отражение начала
Вижу я, и как он, не хочу умирать.
Черный пес Петербург — есть хоть что-то живое
В этом царстве обглоданных временем стен?
Ты молчишь, ты всегда в состоянии покоя,
Даже в тяжести самых крутых перемен.

Этот зверь никогда никуда не спешит.
Эта ночь никого ни к кому не зовет.
Только я, только ты,
Только сердце,
Наше сердце поет...

● ● ●

Расстреляли рассветами память, бредущую в поле,
Исходили всю воду, а берега до сих пор нет.
Поменяли не глядя на счастье свободную волю
Да пожгли фонари, не познав, где кончается свет.
Я не сплю, мое время, как смертник,скребет по бумаге,
Я в конюшне для птиц, я в плену отношений ко дну.
У бездомного пса видишь больше ходячей отваги,
Как, подняв свою лапу, он лечит больную страну.
Сколько веры в огне,
сколько верности в тающем снеге...
Так темно, я в аду иль за пазухой брата Христа.
Ты бросаешь цветы на могилу, запутавшись в неге,
Я лечу, как солдатики в счастье, с гнилого моста.
Съели жизнь в одночасье, десерт —
как всегда, будет голод,
Мы бросали слова в рок-н-ролл, как незрячих щенков.
Рано утром в тумане теплом отражается холод —
Блеск ненужных и сданных в уценку счастливых подков.
Я не знаю, как жить,
если смерть станет вдруг невозможной.
Память вырвать не просто,
как выклянчить песнею дождь,
Имена на дверях перелистывая осторожно,
Не заметишь, как на пол гербарием выскользнет вождь.

Раздарил всем по сердцу, себе ничего не оставил,
Чьи-то звезды вокруг, а мои перекрестки пусты.
Вот и кончился бал, я последнее в брюки заправил,
Мы поклонникам вместо автографов ставим кресты.
Золотая луна цвета спелого, зрелого яда,
Как стрелок за окном,
                    целит мне в оловянную грудь.
Все года — по домам,
                    провожаю последнего взглядом,
Твое вечное, знаю, запомнит и наше чуть-чуть...

сериал

В неясном сером платье
В тумане белом
Стояла девушка —
Жевала хлебушко.
На лиственнице рядом
Висело счастье,
Повешенное костюмером.
Оно пугало мертвыми ногами
И синей талией.
И девушке — прекрасной юной даме —
Скабрезные стишки читало. Ей,
Деве, было скучно,
Пока усталый режиссер
Ругался с работягами,
Пока художник сей кинокартины
Подкрашивал юдоль,
Пока массовка прозябала
С бутербродами и флягами,
А сценарист домучивал ей роль,
Пока не вспыхнули софиты и акации,
И пиротехник не избил минера,
Пока из грязи выволакивали декорации,
Пока водой холодной отливали
Нетрезвого партнера...

Ее душа была не здесь:
Она мечтала.
Эта взвесь
Над ней плыла туманом белым,
Цветами в чуде.
Вздыхала девушка
О спелом Голливуде,
О святой Венеции,
О ковролине с Каннами,
Где все со специями, специями, специями,
О принцах с "Ягуарами",
Рулеткой и пиарами,
Контральто и Гельвецием,
Разбавленными океанами...

В неясном сером платье
В тумане белом
Стояла девушка —
Жевала хлебушко.

4 - 2428

энергия слабости

Энергия слабости
Для какого мотора служит?
Бессилие перед надобностью
Или черствый хлеб на ужин
Любовь и добро
Или просто усталость от зла
Моя энергия слабости
Изобретает философию
Бесполезного ремесла
А в искусстве — слабость
Такое тонкое, нежное, постельное чувство
Короче
Лежишь на диване
Читаешь про себя гадости
Смеешься и зришь
Как в тебе переливается
Мудрая энергия слабости
На столе бутылка вина
Что это — трусость?
Или проигранная война?
Нет, просто ты чувствуешь
Как целует тебя страна

Поднимается плоть
Чтобы родить молоко
(Тут и до предательства недалеко)
Но наблюдать, как растет слюна
Всепоглощающей
Всесокрушающей радости
Помогает
Моя дорогая
Энергия слабости.

● ● ●

Заблудились в изгибах изгои —
Из овалов не выйдут герои,
Время-дышло вошло в нас и вышло,
В лазаретах защитники Трои.

Берегут свою кровь и разлуку,
Не загнать на чужие пожары
Эту теплую, честную суку,
Эти томные, нежные чары.

Не виню равнодушных, сам грешен,
Слишком много на каждом проклятья.
Я искал дорогие объятья —
И нашел, и удобно подвешен.

В ресторане, под звуки ванили,
Поп-звезда расплела злые груди,
В пьяной тьме киловаттной кадрили
Превращаются в прошлое люди.

Наши песни там только — помеха.
Умирать, чтобы жить, — не для “вечных”.
И жует бесконечное эхо,
Как бифштексы, молитвы конечных.

● ● ●

Коронована луной,
Как начало, высока,
Как победа, не со мной,
Как надежда, нелегка.

За окном стеной — метель.
Жизнь по горло занесло,
Сорвало финал с петель
Да поело всё тепло.

Ищут землю фонари,
К небу тянется свеча,
На снегу следы зари —
Крылья павшего луча.

Что же, вьюга, наливай,
Выпьем время натощак,
Я спою, ты в такт пролай
О затерянных вещах...

О надежном и простом,
Главном смысле бытия
Мы доспорим, а потом,
Не прощаясь, выйду я...

Осторожно, не спеша,
С белым ветром на груди,
Где у вмерзшей в лед ладьи
Ждет озябшая душа.

трек 3

метель августа (новое сердце)

Небо звездное, метель августа,
На дороге — машин канителица,
Возят засуху, а мне радостно,
Знаю точно — погода изменится,

Я смотрю наверх, там, где мы живем, —
Так все тихо, сухо да правильно.
Я ж из тех, кому нет победы днем,
Я — как степь, дышу сном неправедным.

Я по засухе — вёдро полное,
Между фар — лисой, живьем пламени.
Я так мал, а вокруг все огромное,
И плевать, что ни ружья и ни знамени.

Небо звездное, сердце августа,
Оглянись, рассветает пророчество,
Тело-степь — мое одиночество,
Смерти нет, но всегда — пожалуйста.

Небо звездное, руки августа,
На дороге — машин метелица,
Что пожнем, когда пыль рассеется,
Степь красна, как чернила Фауста.

Ночь светла, как круги от времени,
Что забросил я в смерть уставшую,
Все дороги растут из семени,
Недошедшего, недоставшего.

Жду от нового — века белого,
Продолжения понимания,
Что мы — часть всего безответного,
Что мы — ночь всего ожидания.

Новое сердце взорвется над нами,
Новая жизнь позовет за собой,
И, освященный седыми веками,
Я, как на праздник, пойду в этот бой.

рождество 2001

Застывает рекою рождественской
Рядом с домом — дорога.
Я свечку зажег, время выключил,
Поставил на подоконник.
На улицу вышел и долго смотрел
На окно и свечу у порога.
И ветер ночной извивался и выл,
И цеплялся за жизнь, как воскресший покойник.
Пусть две тысячи лет Он родился назад,
Что изменилось?
Я такой же простой вифлеемский пастух,
Я телец, скорпион да собака.
Мои чувства — Варрава, кому уготована
Иерусалимская милость.
Мои мысли — одна окаянная, дикая
Смертная драка.
Для кого же поют голоса
У обрыва замерзшего леса?
Так тревожно и пусто душе,
Что устала от поисков снега...
В темноте облаков свет звезды
Приподнимает завесу.
И я чувствую тень
Твоего бесконечного бега.

предчувствие гражданской войны — 1988

Когда ты стоишь у голодной стены,
Когда вместо солнца сверкает петля,
Когда ты увидишь в глазах своих ночь,
Когда твои руки готовы к беде,
Когда режутся птицы ранней весной,
Когда над душой вскипает гроза,
Когда о предательстве каркает ложь,
Когда о любви визжат тормоза...
А те, в кого верил, ушли далеко,
И движения их не видны.
И в промозглую рань подзаборная дрянь
Вырезает тебе на груди

— Предчувствие гражданской войны.

Когда облака ниже колен,
Когда на зубах куски языка,
Когда национальность голосует за кровь,
Когда одиночество выжмет дотла,
Когда слово "вера" похоже на нож,
Когда плавятся книги на колокола,

Когда самоубийство честнее всего,
Когда вместо ритма нервная дрожь.
А в сияющем храме лики святых
Тебе говорят, что церковь — не ты.
Что ты поешь, когда у тебя
Вместо смерти — похабные сны?

— Предчувствие гражданской войны.

Когда черный ветер рвет паруса,
Что в прожекторах плюются болью в лицо,
Революция без жертв — ничтожная ложь,
Слышишь, блеют сердца у тех, кто вошь,
Когда лопнет природа и кипящая сталь,
Сожжет небеса, летящие вниз,
Антиутопия на ржавом коне
Вскроет могилы, уставшие ждать.
Когда слово "музыка" — это...

— Предчувствие...

крыса

Люди на ветках,
люди в витринах,
Люди на людях,
дворцовых решётках,
Гибнут на паперти,
тонут в перинах
Окон,
весь мир умирает на стёклах
Первой любви
и последней измены.
Стены,
набухшие трещины-вены,
Солнце,
клинком перерезав аорту
Готтской зиме,
поднимает когорты,
На Невский,
Сенатскую,
Выиграна сеча,
И власти доспехи
ложатся на плечи
Весны,
Торжествует шагреневой кожей
Хлеба и “зрелищ” — голодных прохожих!

И трудится жизнь
в сексуальном угаре,
Разлагаясь в мозгах,
казино,
тротуаре,
В машинах,
в метро,
в многоблочных коробках,
На окнах дисплеев,
в зачищенных глотках,
В тебе и во мне,
в тебе и во мне
Весна...

И даже чудовище
масти глиста,
С розовой гадостью
вместо хвоста,
Вылезло к солнцу
отравленным сердцем,
смертельной слюною,
раздавленным перцем,
Сквозь ахи и визг расфуфыренных дам,
По травке газона,
Асфальта – ногам

Сумасшедшая крыса, бредовая мразь,
прорвавшийся чирий,
порочная связь.

Прыгнула вверх,
закружилась в вальсе,
Жмурясь на небо в друидовом трансе,
Как девочка в классы,
игривый котёнок,
Как ласточка
в облаке смятых пелёнок.
В листве прошлогодней играет часами
отравленной жизни,
как чёрт с небесами,
Как ты с небесами,
как он с небесами...

Война.

тюрьма

Есть ли звёздное небо в тюрьме?
Родина между замком из песка
И пятизвёздочным номером отеля
Воспоминания на парашах
Макароны, картошка
Хорошо хоть реснички сняли
Хоть дышать стало немножко
Хорошо, что не двадцать
По телевизору — наркобароны
Хозяин правильный
Шесть по нарам
И всего три шестёрки
Жёлтые стены крашенные, в ожидании Годо
Срок — восемь лет зимы
Спящие медведи в берлогах ждут своего УДО
Кухонные убийства, аварии
Чужие мобильники
Бесконечная камерная музыка счастья
Это — мы.

террорист

Оглянулся, все тихо, хвоста вроде нет.
Колодец двора, яма черного хода,
Заколочена, черт бы побрал этот свет,
Липнущий сверху чухонским уродом.
Выход — гнилая пожарная лестница —
Хрупкая, сволочь, и окна вокруг.
Ползут этажи так убийственно медленно
Мимо дрожащих, израненных рук.
Что пялишься, дура, я ведь не голый!
Я не к тебе, я не бабник, не вор!
Я — террорист! Я — Иван Помидоров!
Хватит трепаться, наш козырь — террор!

Гремит под ногами дырявая крыша,
Ныряю в чердачный удушливый мрак.
Пока все нормально. Голуби, тише!
Гадьте спокойно, я вам не враг.
Вот он — тайник, из него дуло черное
Вытащил, вытер, проверил затвор,
Ткнул пулеметом в стекло закопченное,
В морды кварталов, грызущих простор.
Гул голосов снизу нервною лапою
Сгреб суету в роковые тиски.

Скучно вам, серые? Щ-щас я накапаю
Правду на смирные ваши мозги.

Замер народ, перерезанный бóлями,
Дернулся, охнул, распался на визг.
Моя психоделическая какофония
Взорвала середину, право, лево, верх, низ.
Жрите бесплатно, царечки природы,
Мысли, идеи, все то, чем я жил.
Рвите беззубыми ртами свободу,
Вонзившуюся вам между жил.

Люди опомнились, опрокурорились,
Влезли на крышу.
— Вяжи подлеца!
— Я ж холостыми, — харкая кровью,
Он выл на допросах, из-под венца.
— Ради любви к вам пошел я на муки,
Вы же святыни свои растеряли!
— Нечего, падла, народ баламутить!
Взяли и вправду его...

Тра-та-та-та!

• • •

Больница белая
Забылась в бледных снах.
Храп,
Стянутый бинтами,
Койки,
Конечности в застиранных пижамах,
Шорох...
Прах...
Лишь взрывы бреда одинокого
Пугают привидения-болезни,
Слоняющиеся в стеклянных коридорах.
Усталые медсестры,
Раскинув крылья рук,
Застыли на плечах
Стреноженных столов,
Пасущихся среди
Амбулаторных карт и средств леченья...
Мученья позади, все внове.
Я в белой упаковке туалета
Курю
И наблюдаю,
Как пожирают первый снег
Делящиеся клетки крови.

рождество 2001 “вертеп”

Рождество, ночная пьеса, декорации из леса,
Клюквенный сироп из крови да приклеенные брови.
Одиночество из глины, бутафория из тела,
Души пенятся от мыла, на щеках прыщи от мела.

Из папье-маше — клише.

Ватой — облака неволи, вот семья, а вот пещера,
Недоученные роли, на пупах свернулась Вера.
Марля снега, звезд софиты, разбежались неофиты,
Режиссер кричит и злится (тоже хочется напиться).

Посмотри на эти рожи — в чем-то все творцы похожи.

Спонсор рядом с Барби мертвой,
                    целлофан, тузы, шестерки,
Крики, пыль, суфлер, фольга — ее куриная нога.
За кулисой ждут войска с деревянными мечами,
Вождь с прибитыми лучами чешет дулом у виска.
Не держава, а доска, не победа, а тоска.

Дан звонок, поплыли сцены, в зале грустная страна,
Мрачно смотрит на Надежду, Веру и Любовь она.
Мат стоит над Палестиной, рев зверей, гора картона,
Роды, тайные причины, реют флаги из бетона.

Все дары волхвов украли, ясли оружейной стали
Утащил голодный сторож, как сыграть нам пьесу,
Боже?
Ослепительных приборов нужно больше, господа,
Чтобы толще засияла Вифлеемская звезда!

Электричество поели да пожрали провода.

Я грущу, смотрю спектакль, третьим планом
В глубине —
Заспиртованный младенец спит в петровской
Колыбели,
Улыбается метели и подмигивает мне...

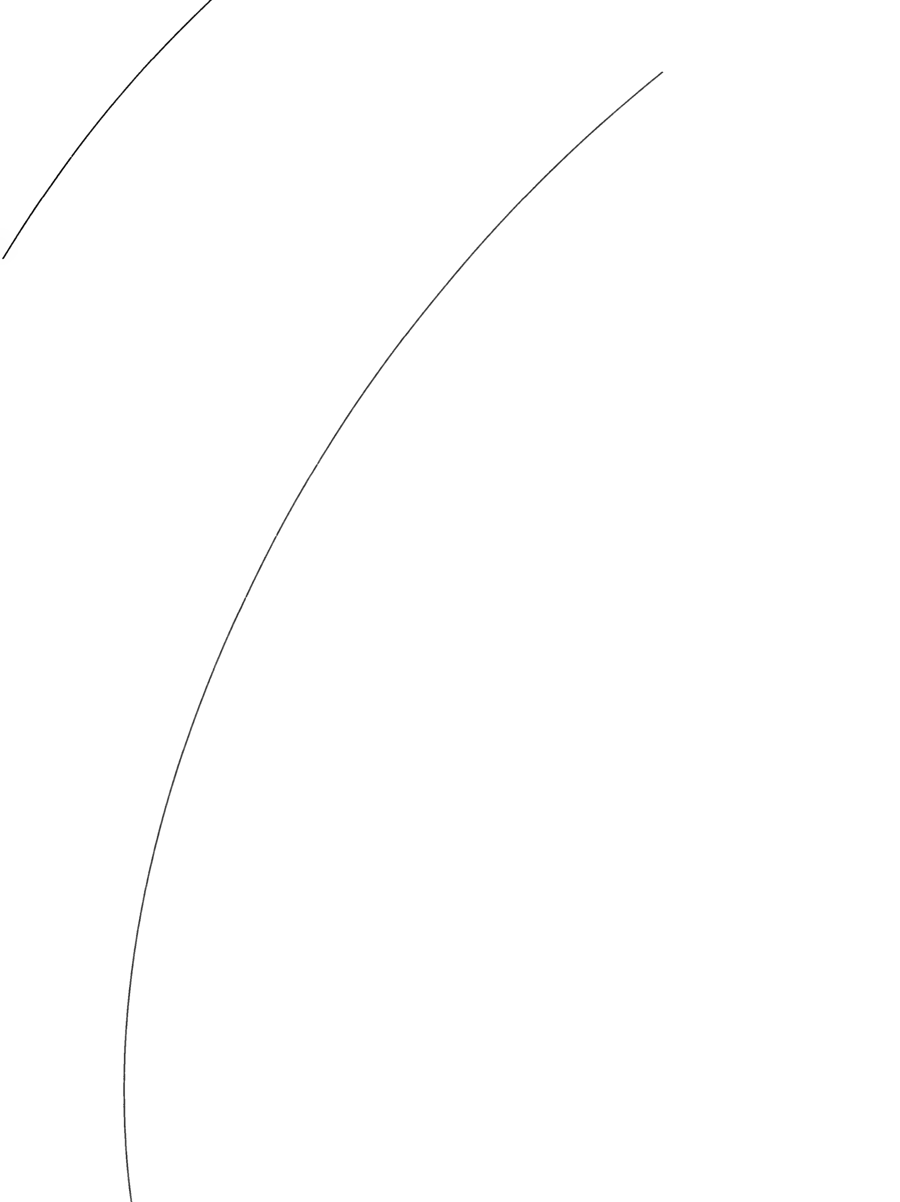
миллениум

Сегодня все мы символисты,
Футуристы, имажинисты.
Вакханалия эзотерии.
Картонные самоцветы, фонарики эпох,
Пьеро — домино,
На коленях Светы и Марии.
Крашеные постмодернисты
Откупоривают вино.
Даже в попсе сегодня есть что-то от декадентов,
Всеобщее самоубийство,
Коллективный теракт петард,
И усиливая тайну момента,
В каждом рту надрывается бард.
Маскарад, фантики, мишура,
Детство человечества, даже душа вора
Сегодня жаждет идеализма.
Даже руке убийцы противен вид топора.
Даже лицо президента
(Странная метаморфоза)
Срывает аплодисменты,
Декламируя про шипы и розы.
Про небеса туманные, бесснежные,
Про поцелуи и объятия нежные...

С чем поздравляем мы, старик, друг друга,
Рот вяжет кислым петербуржская метель,
Как дорожим мы ограниченностью круга,
Но где она, рождественская ель?
Я наблюдаю, как штурмует праздник город,
Шутихами до слез ослеплена,
Иллюзия приподнимает ворот —
Забытая старуха у окна.
Чей дом напротив.
И от мысли ёжась,
Что в чем-то праздник и война похожи,
Я виски пью, массируя виски.
Изнанка праздника — убийство одиноких.
Здесь пустота нас режет на куски.

трек 4

капитан марковец (1995)

Я не знал живого Марковца,
Я его увидел только мертвым.
Возле президентского дворца,
Перед грозным небом — пулей стертым.

Я снимал на видео фасады
Обожженных лиц и душ бойцов.
Где, какие отольют награды
Для уже ненужных храбрецов?

И с погон погибшего срывая
Звезды, будто злое небо с глаз,
Мне солдат их протянул, кивая:
“Вот, возьмите — память вам от нас.

Не забудьте эту грязь — дорогу
К смерти в унавоженной глуши,
У него две дочки, все же к Богу,
Видно, он отчаянно спешил".

У Минутки, возле медсанбата,
Где по пояс рваные дома,
Видел я сгоревшего комбата
И державу, полную дерьма.

Дома у меня на книжной полке
Эти звезды до сих пор болят.
Капитана Марковца — осколки,
Всех доставшихся сырой зиме ребят.

Ту войну нам этой не исправить,
Пусть всё перебили, что потом?
На госдаче мемуары править...
Или же остаться с Марковцом.

чечня

Безразлично и малопонятно
На просевшем от солнца снегу
Мертвецы, как родимые пятна,
Улыбались, застыв на бегу.

Необычные рифмы и позы
Отражались в зрачках странных глаз,
Как игра, как бумажные розы,
Как интимное напоказ.

Как разбросанные парашюты —
Оболочки, шелк, стропы тел,
Где сухую солому — минуты
Гонит ветер в слепой предел.

Души в небе, играя, быть может,
Наблюдают судьбу за мной,
Как дрожу я от мысли — тоже
И готовлюсь к войне иной.

ангел

Я держал его руку, я был рядом с ним,
Когда во дворе умирал первый снег,
Когда выполз на крыши слепой черный дым,
Когда темной материей стыл человек.

— Я умру без любви, не молчи – говори.
Еле дышит печальное пламя свечи,
Топот клеток и шепот шагов у двери,
Расскажи мне, в чем смысл войны – не молчи!

Чуть колышется пламенный огненный лик.
Плоть его – звуки, запахи, ветер и свет.
Божий звездный посланец, младенец-старик:
— Я устал, отвечает, жаль времени нет.

Жаль, что тело моё не склюет вороньё,
Не воскреснет потом под ольхой во дворе,
Жаль, свобода любить, умирать – не моё,
Смысл каждой войны спрятан в каждой игре.

Ангел обнял меня светлым алым крылом,
На мгновение вспыхнуло небо небес,
Выбирай, – улыбнулся, вздохнул и исчез...

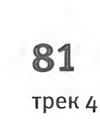
А потом потемнело, потом рассвело.

сен-дени

Проститутки на Сен-Дени,
старушки — гипсовые обломки.
В их поседевших зрачках
героическая беспечность
и гипертонические ломки.
Пластиковые шубы, хлысты, ремни,
дряблые животы,
подагра и бесконечность.
В их глазах сохнет
былая мужская похоть.
Пенсионеры — постоянные клиенты.
Поддерживая старичков за локоть,
они помнят их юношами.
Теперь — больше матери, чем жены,
заботливо укладывают морщины
в розовые капюшоны.
Умирающие парижане,
покупая кровавые рты,
прически — ветры,
инсульт и тепло,
крашеные лица.
Эти, когда-то норманны и готы,
не одолеют уже
километры жизни

до великолепной гибели Европы,
до Канн и Ниццы...
А теперь на Сен-Дени
только гаснущие огни.
Сена — парижская дырявая вена
убаюкивает, грезит, прощает.
Старики не кончают,
у них изо рта — пена.

ДОМ

В новом районе, бывшем загоне,
вырос огромный цементный кокон.
Серая пыль, затвердев в бетоне,
схватила и держит тысячи окон,
тысячи стенок, балконов, дверей,
тысячи вечнозеленых людей,
тысячи разнокалиберных глаз,
тридцать тысяч зубов и пять тысяч фраз.
Стилизованный внук Корбюзье
с Ван Дер Рое:
небо — два с половиной метра,
очередной рывок домостроя —
девять квадратов на человека!
Пищеводы подъездов, давясь, пропускают
тысячи тонн живой биомассы.
"Нам луше не надо" — это считают
передовые рабочие классы.

Тысячи кухонь каждое утро
жарят на нервах куриные яйца.
В тысячах спален каждое утро,
нежно сопя, заплетаются пальцы.
Здесь ежедневно кого-то хоронят.
Через неделю — горланят свадьбы.

— Не стой под балконом — горшочек уронят!
— Легче, родной, не провалилась кровать бы!

Одиночество здесь — царица досуга,
среди соседей — ни врага, ни друга,
вон, бабка грустит, опадают бока,
нет ни овец, ни козы, ни коровы,
ей на балконе завести бы быка,
а то на кой хрен такие хоромы?
Я тоже живу здесь, в квартире сто три,
и у меня двенадцать замков на дверях.
Я закаляюсь летом без горячей воды
и размножаюсь зимой при электросвечах.
Я замурован в этом каменном веке,
переварен железобетонным блоком,
я наблюдаю — как в сжатые сроки
сосед убивает в себе человека.

А миллионы мечтают об этой крыше,
нем им покоя под залатанным небом,
в тысячи глоток — граждане, тише!
Ведь я помню, когда мы делились хлебом,
делились солью, посудой, дровами,
ходили к соседкам за утюгами,
слушали хором футбол и хоккей,
короче, были, были...

площадь

В одиннадцать утра
на Красной площади
(как странно, где я?)
стоял на Лобном месте
с чашкой кофе и сигаретой,
рассматривая
беспомощные животы стрельцов,
Петра угрюмого на месте Мавзолея,
кумач революционных,
четвертованных,
остриженных в квадраты
молодцов.
Музеем историческим смотрел я это утро.
Космическим дышала площадь,
я вновь — рождение поэта.
Спина кремлевская —
Буденновская лошадь, Гагарин,
чья-то злая камасутра.
И вот
прощенное, моченое пространство,
ограниченное властью,
стало частью,
моей любимой чашкой кофе
с сигаретой.

СОН

Э.Ш.

Летчик в самолете говорил о птицах,
погружались в землю медные огни.
Может быть, нам, друг мой, больше не садиться,
разделить с пернатыми оставшиеся дни.

Ангелы и бесы, черти, херувимы,
ты в окно влетела, села на постель.
“Как наш сын? — спросила. — Под звездой одни мы”.
Я смотрел на рамы сбитые с петель.

“Хочешь, полетели — покажу, где свили
Мне пространством время, оглянись, чудак”.
Мы бродили в странном, параллельном мире —
В сказке или детстве, но, увы, не так.

Ветрами влекомы зеркала, машины,
нет границ у слова, с правдой слита ложь,
серебро Шагала — вещие картины.
“Где мы?” Улыбнулась: “Все потом поймешь”.

И в небесном Храме плыли наши лица,
Феофан расписывал так иконостас...
Летчик в самолете врал о райских птицах,
а в иллюминатор улыбался Спас.

трек 4

беда

э.ш.

Выросли перья у тощей весны.
Серая грязь от луны до креста
Затопила дома, как кошмарные сны,
Как голодная шлюха после поста.
Реки утюжит ветер-каток.
Из сучьев вылазит зеленый свист.
Пищит вода, гуляет Восток,
Ухмыляется Запад-контрабандист.

У котов съезд всех кошачьих каст.
Снег в дырах, как память, ворон не счесть.
У кобелей по талону, но всем сука не даст.
Оттаяло все: и любовь, и месть.
А я не рад теплу, я разлюбил рассвет.
Я сижу в темноте, шевелю весной.
И мне кажется, что меня уже нет,
Потому что тебя, тебя нет со мной.

Матерится Земля — шкура на китах,
Драные бока, гормоны в аду,
Солнце ударило небу в пах.
Деревья торчат по колено в бреду.

Полным распадом мира весна
Салютует всем нам, что она удалась.
Чует новые запахи стерва-страна,
Все готовится жить, ты одна не спаслась.

Сосны-виселицы, дождь-срок,
Разлука-беда уже на крыльце.
Перелетные птицы кричат между строк.
Я стираю глаза на своем лице.
Мне они ни к чему: ведь тебя больше нет.
Тонет память обрывками в луже воды.
Я глотаю последний огонь сигарет,
Я впустил ее в дом, я в тисках у беды...

адам и ева

Вечер холодный, белый.
День был такой прозрачный.
Я стал не очень смелый,
Город родной, не мрачный.
Шторы штормят на окнах.
Ты, как весна, смущаясь,
С чем-то чужим прощаясь,
Сбросила всё, что сохло.
Скинула всё, что было,
Нежность взорвала стены,
Время в зрачках поплыло,
Стало живою веной.
Пальцы — слепцы по коже,
Слышу твое дыханье,
Губ твоих, слов касанье
Чувствую осторожно.
Поцелуй превращался в вечность.
В небе — крылья, стихи и ноги.
Осязание — смысл дороги.
Обладание — бесконечность.
Пригласила меня на танец,
Исчезая, летали лица,
Я — зарезанный, глупый агнец,
Ты — растрёпанная синица.

Как предчувствуют счастье люди,
Разбиваясь о стекла-дали,
Мы любви все края познали,
Но не ведали, что так будет.
После в окно курили.
Думали — не напрасно.
Вспоминали, как глупо жили...
Утром ты так прекрасна,
Утро в твоих ладонях,
Пью эту живую воду.

понедельник

Вчера был праздник, нынче — пробужденье,
Весь в синяках, да плюс хмельной синдром.
Лежу, курю, болею животом,
Ох, погулял я в это воскресенье!
Вчера — свиреп, силен, умен и смел,
Сегодня тих, спокоен, особачен.
Мой нос распух, язык одеревенел,
Вчерашней дракою печально озадачен.

Смотрю на женщину, которая со мной,
Вчера пришла — и до утра осталась.
В ее глазах ко мне любовь и жалость,
А у меня душа — хоть в мир иной.
Она спокойно ходит по квартире,
Стирает пыль и кровь с моих штанов,
Она красива в этом душном мире,
Она молчит, нет слова без основ.

О Боже, как никчемна жизнь моя
И как ничтожна дряхленькая вера,
Смотрю на долгожданную тебя,
Но ты, пожалуй, мне уж надоела.

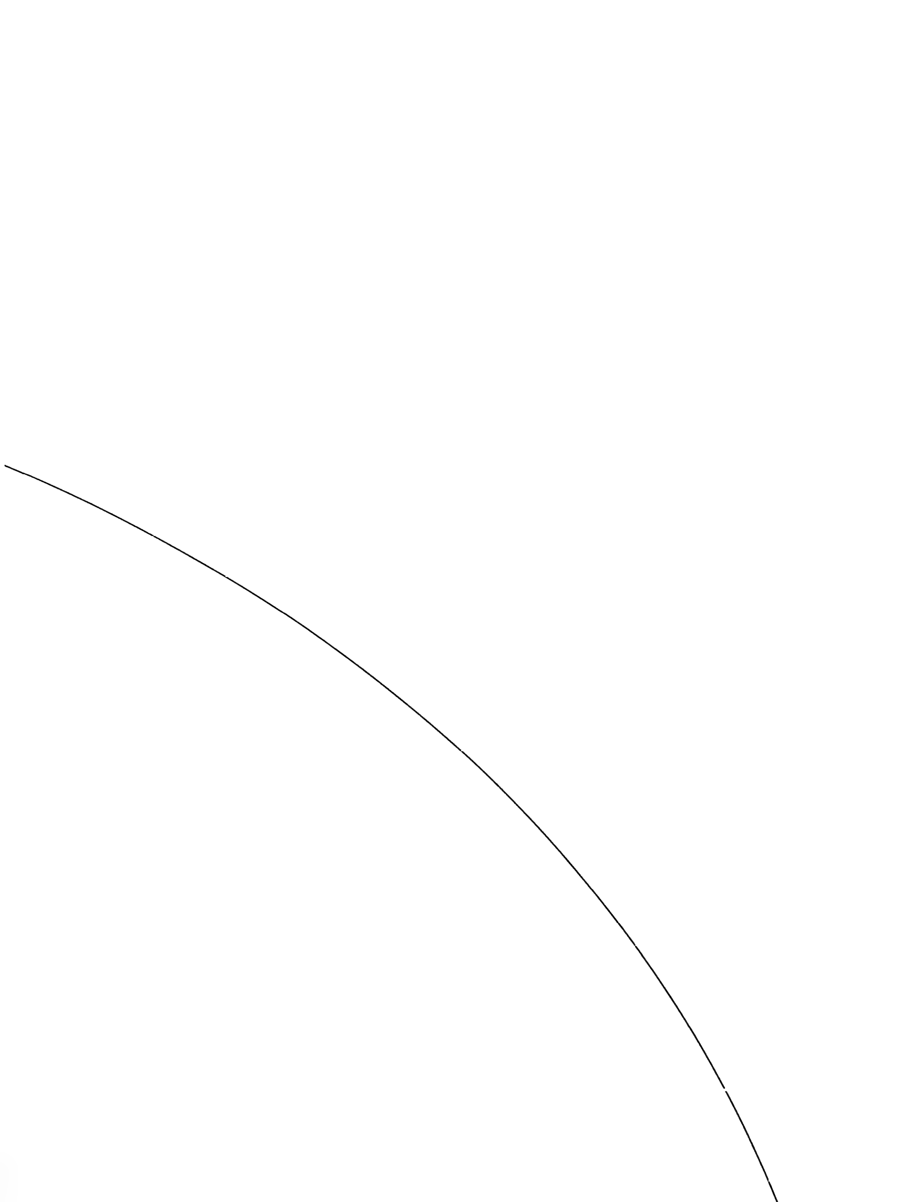
Мы ангелочки пошлого Ватто...
Да, все не то. Что, радость, заскучала?
Подай-ка мне гитару и пальто,
Пошли гулять, начнем дышать сначала.

любовь

В скользкое будущее трудно попасть голосом,
как голое тело достать из бездонной проруби.
Прошлого нет, но растут еще ногти и волосы,
и похожи на летающих крыс серые голуби.

Любовь — странная вещь, она порхает вне времени,
и всегда мимо нас, когда так этого хочется.
Без любви мы — усталость последнего дня творения.
Между прошлым и будущим наши тела полощутся...

трек 5

Я

Я — весь скрученный нерв,
Моя глотка — бикфордов шнур,
Которая рвется от натиска сфер,
Тех, что я развернул.
Я — поэт восходящего дня,
Слишком многого не люблю,
Если ты, судьба, оскорбишь меня,
Я просто тебя убью.
Я — весь живой человек,
Я падал тысячи раз,
Сотнею проклят, сотней воспет,
Снова встаю сейчас.
Я обожаю красивую жизнь
И нашу великую грязь,

Кого трясет — тот может пройтись,
Кто трус — из телеги вылазь.
Я называю плохое дерьмом,
А хорошее — красотой,
И если что не разрежу умом —
Распакую своей душой.
К черту слезы — от них тоска,
Наше время не терпит соплей.
Посмотри, старина, на живого щенка —
Он добрее тебя и злей!

Сквозь голодную толпу,
Стоящую за искусством,
Лезу, раскинув всех,
Без очереди я.
Поднапри, веселей, мы искусству,
Без сомнений, прорубим русло,
Мы искусству прорубим русло,
Становитесь за мной, друзья.

серый голубь

Липкий ужас под куполом цирка,
в боксерских початках,
Жмет балетная пачка, страховка на рыбьем меху,
Расползаясь по льду, одурела глазная сетчатка.
Тощий зад напряжен, коченеет и рвется в паху.

Ты, конечно, везде — намбер ван теле-еле помоек,
На корпоративах кричишь средь волков
одинокой овцой.
Соблазнитель загубленных душ и облом перестроек,
Ты лети, серый голубь, лети и, конечно же, пой.

Серый, добрый маньяк, голос твой в каждом
доме на ужин,
Льешь густой позитив на тарелки унылых надежд.
Вездесущий "звезда", ты, как воздух
надушенный, нужен
Стране тяжких запоев и канувших в Лету побед.

Благодарный слуга, долетел до высокой награды,
Был простой педераст, оказался большой патриот,
Искрометный танцор на шесте, и тебе очень рады
Их Сиятельство сами, если пресса, конечно, не врет.

И не важно, что где-то сломалось в этом
гребанном мире,
И не важно, что лира — тоска, ну а муза — отстой,
Ты лети, серый боров, в национальном зефире,
И не важно про что, ты лети и, конечно же, вой.

Для чего и откуда на нас эта Божия кара?
По глухим деревням, на заставах, в бескрайней степи
Нам лишь несколько лет до позора,
три дня до кошмара,
А ты пой, серый боров, ты вой и, конечно, свети!

мама, это рок-н-ролл

Были времена и получше,
были и почестней.
Догорали дожди да веселые путчи,
умирали ночи без дней.
Были времена и построже,
а были просто — пей, ешь да гуляй!
Колотились и корчили пьяные рожи
песни наших веселых стай.
Были времена и почище,
а были просто — ни да, ни нет...
Рок-н-ролл рожден в одна тысяча
девятьсот... световых лет.
Наши песни — любовь и голод,
под наши песни вставала весна,
Драли горло нам серп и молот,
благословила наш мир война.
Когда власть валялась на улице
на глазах у пьяных бичей,
А орел походил на курицу,
а страна была просто ничьей,
Когда ветер сжигал нам руки,
рвал историю баррикад,
На любви только драные брюки
да жестокий голодный взгляд.

И рассовав по карманам речи,
будущее — ваша мать!
Ты залезала ко мне на плечи,
а на сцене подыхала рать.
И мы меняли вино на воду,
доставая из пепла смычки,
Для скрипок, которые запросто смогут
умереть от этой тоски.

● ● ●

Что мне расскажет спящий проводник?
Пустые, дребезжащие стаканы
на столике купейном у окна,
несущегося мимо
станции, вспорхнувшей в темноте.
Мента, курящего в кулак
заснеженной пустыни,
точнее — глубины.
Где, как нетрезвый, глупый ученик,
стыдливо вывернув карманы, —
мир наш пред Господом поник.

Когда со мною встретится она —
веселая, без грима,
проявятся ли строчки на листе
бумаги, что я комкал и таскал
в башке своей, как в мусорной корзине,
поверив благородной пантомиме —
ее безмолвной красоте?

Когда минуты станут длинными руками
неотвратимой смерти,
чем время будем мерить мы?
Во что сыграем с ветром, облаками —
одни среди зимы?

Что мне расскажет Родина моя
с плывущими кусками на экране
любви замерзшей, вьюгой февраля,
в пустой и темной пропасти зрачка
по расширяющейся звездной пилораме?
С водой технической, прокисшей в кране,
в разбитом шприце тощего торчка,
что в туалете просыпается, зевая,
и смотрит на поля.

Страж у дороги — пухлый снеговик,
смотрящий зорко черными углями
на сползший в яму старый грузовик,
и тусклый мат, и полный жизни крик.
Заливисто сверкает детвора,
лишенная абстрактного мышленья,
мир символов нелепых разрушая,
ни с чем чужим взгляд этот не мешая,
сметает нас, как мусор со двора.

Что мне расскажет нищая старуха
на злом перроне, с полным котелком
картошки сваренной —
назойливая муха,
под хамством мокнущая, как под кипятком?
За поездом устало семенит —
глазами, полными разлуки и труда,

руками, верными прощению и ласке.
— Сынки, еда... — чуть слышно говорит, —
кому, сыночки, деточки, — беда?

Что мне расскажут эти города:
многоэтажки, склады, чьи-то норы,
одушевленные граффити гаражи
и серые бетонные заборы?
Унылая, неверная среда
всех дней недели, ловит поезда,
что до смерти ей надоели.
Окраин грязных этого покоя
никто не ценит, верится с трудом,
что столько поколений есть в крови
сего надоя.
Но там, где третий, рядом еще двое,
и свечкой теплятся церквушка и роддом.

Куда они все едут? Что влечет
нас всех в пространствах этих дальних,
что в этих городах суицидальных
где точно всё и всё так любит счет?
Там всё конечно, кроме пустяков,
что вечностью особенно любимы.
И хочется простить мне остряков,
в пространство бросивших:
“НЕТ, НЕ РАБЫ МЫ!”

новая жизнь

Вышел из комы ночью,
Там где храм на крови без крова.
Капельницы в клочья,
Жить начинаю снова.

Разлетелась вода снегом,
Белой ваты жую мясо,
Волчьим, вещим дышу бегом,
Небо красное — будет ясно.

Разродилась звезда ливнем,
Порвала на ольхе платье,
Процарапав тайгу бивнем,
Воробьиною рвёт ратью.

Зарастаю забытым словом
На завалинке с домом-дедом,
Парюсь в бане, чтоб свежим, новым
Для охотника стать следом.

Хорошо бы воды холодной
Он за руку меня дёрнул.
Я ему — “Ты чего, родный?”,
А он ствол достает черный...

Закричала ворона белой,
Бессознательной, злой клятвой.
Эх, убитое мое тело,
Всё родимые мои пятна.

Новая жизнь...

ПОЭЗИЯ

Поэзия — отдельная страна
верна
печали светлой
полна
нетронутого знания
накопленного
скрягами Вселенной.
Там жизнь странна
унылой сути нет
у здания
любовью освященного
жрецы
в одеждах —
джинсы, фраки, тоги,
рога и пистолеты.
Одна судьба на всех
одна душа
дыша пространством и балетом
и верной смертью на пороге
молчащей между строк
кладет спокойно

на алтарь
исписанные листики бумаги
которые читает Бог
ухмыляясь
очередной отваге.

дуэль

...Письмо Геккерну — ярость, боль и мат,
Стакан воды с окна у “Беранже”,
Короткий разговор с Данзасом, Летний сад,
Месье Лепаж — свинцовое драже.
На Троицком мосту, в цвету — жена,
Не угадавшая ни мужа, ни судьбу,
Что отражалась на арапском лбу,
И, как часы, была заведена.
“Все решено — дуэль, я не сверну,
Пускай потом прибьют гвоздем ко дну,
Пускай распнут, повисну на ноже,
Пускай в Михайловском хоть с плугом на меже,
На Черной речке, вечером, к пяти.
Мне не свернуть и с рифмы не сойти...”

Темнело быстро, небо прятало войну,
Д’Аршиак с Данзасом втаптывали в снег
Барьер бессмертия, холодную луну,
Последний вздох и час, блестящий этот век...
Темнело быстро, и в морозный горизонт
Стучала мысль — предсказанный финал,
Лишь мерзлый ветер брил деревьев сон

А за кустом, дрожа, старик Геккерн стоял.

Удобное ли место? Все равно.
Скорее бы, уж не видать ни зги.
Дантес, подлец, желание одно —
Вогнать свинец в его холеные мозги!
Все! Начали! К барьеру! К черту страх,
Пускай убьют, любовь моя со мной,
Поплыли облака, мундиры, пальцы на курках,
Рванули кони, жизнь сворачивалась в бой...

И в дикой скачке бледных фонарей,
И в шепот нервный, мертвый у дверей,
И в клетках порванных — осиный, дикий вой...

Он знал одно, что он один живой.
Он знал одно, что он не промахнулся,

"Хотел его убить, но рад, что смерти нет,
Дай руку, друг, идем туда, где свет!
Свободен я", — и в вечность улыбнулся...

в последнюю осень

в.ц.

В последнюю осень ни строчки, ни вздоха.
Последние песни осыпались летом.
Прощальным костром догорает эпоха,
И мы наблюдаем за тенью и светом.

Осенняя буря шутя разметала
Всё то, что душило нас пыльною ночью.
Всё то, что дарило, играло, мерцало,
Осиновым ветром разорвано в клочья.

Ах, Александр Сергеевич, милый,
Ну что же Вы нам ничего не сказали
О том, как дышали, искали, любили,
О том, что в последнюю осень Вы знали.

Голодное море, шипя, поглотило
Осеннее солнце, и за облаками
Вы больше не вспомните то, что здесь было,
И пыльной травы не коснетесь руками.

Уходят в последнюю осень поэты,
И их не вернуть — заколочены ставни.
Остались дожди и замерзшее лето,
Осталась любовь и ожившие камни.

В последнюю осень...

храм

На холодном, хмельном, на сыром ветру
Царь стоит белокаменный,
А вокруг черными воронами
Старухи снег дырявят поклонами.
А вороны заморскими кенгуру
Пляшут на раскидистых лапах крестов,
А кресты золочеными девами
Кряхтят под топорами молодцов.

Царские врата пасть раззявили —
Зубы выбиты, аж кишки видны.
Иконы комьями корявыми
Благословляют проклятья войны.
Вой стоит, будто бабы на земле
В этот мертвый час все рожать собрались.
— Ох, святая мать, ох, святой отец,
Что ж ты делаешь, Егор? Перекрестись!

А грозный командир, опричник Егор,
Кипит на ветру, ухмыляется:
— Ах вы, дураки, мудачье, позор
Ваш в эту конуру не вмещается!
Верный пес царя — грозного Иосифа,
Скачет Егор в счастливую жизнь:

— Старое к чертовой сносим мы,
Новая вера рванет — ложись!

Небо треснуло медным колоколом,
Залепил грязный свет слюнявые рты.
Вóроны черными осколками
Расплевали кругом куски тишины.
Купола покатились, как головы,
Стены упали медленно
От сабель нежданных половцев…
Пошли-ка домой! Слишком ветрено.

● ● ●

Коммунизм подошел, как весенние талые воды.
Старики на сносях, ждут волхвов
в шалаше у Разлива.
Я смотрю в их глаза, не познавшие сути свободы.
Этот вечный закат у воды —
мало смысла, но очень красиво.
На Разливе бетон голосит соловьем откровений.
Те, кто жаждет добра для других,
утешают их после — расстрелом.
Написать бы еще горсть лирических стихотворений,
А потом выйти в поле в исподнем,
отчаянно белом.

Пусть я буду последним убитым на этой гражданской.
Что за секс, когда пень на колоду,
сестра на сестру, брат на брата?!
Ночью деда Сосфена спилили в тайге,
на промзоне у Канска,
И сейчас нас не слышат и тащат к добру,
без вины виноватых.
Коммунизм хорошо, если ты Карл Маркс,
на худой конец — Ленин,
Если Альпы в снегу и горят, как хрусталь
в электрическом свете,

8 - 2179

Если ты с кружкой пива янтарного
в праздничной Вене
С омерзением классовым потчуешь
мух на бараньей котлете.

...Молодые смутьяны и ныне весомо ругают систему,
За добро вновь идут на борьбу,
на тюрьму и на плаху.
Я их всех понимаю, но есть ли гуманная схема?!
И скребет по доске и хрипит восстающий из праха.

понимающее сердце

Понимающее сердце
По дорогам павшим бродит,
Еле слышно между нами,
Съеденными городами,
Что-то ищет и находит.
Что-то ищет и находит,
Разгребает там, где воет,
Языкастыми ветрами.

Понимающее сердце
Носит хлеб в худых карманах,
По заснеженному полю
Ищет пепел дорогого.
Понимающее сердце,
Я погиб в далеких странах,
Подари мне крошку неба,
Нитку облака родного.

Понимающее сердце,
Я забыл дорогу к морю,
Только падать и бороться
Научился в совершенстве.
Я устал ходить по краю,
Умирать в пустом блаженстве

На холодных свалках улиц,
Я тебя собою вскрою.

Понимающее сердце
Нам всегда помочь готово:
И взорвётся, и воскреснет,
Если им хоть кто-то дышит.
У разбитого корыта,
У смертельного больного
Умиряет тех, кто видит,
Утешает тех, кто слышит.

Понимающее сердце
Укрепляет тех, кто любит,
Тех, кто верит, очень скоро
Позовет с собой в дорогу.
Понимающее сердце
И простит нас, и рассудит,
И распятое на Мойке
Отогреет понемногу.

трек 6

уйти

Эх, уйти бы в монастырь,
Разменять вино на воду,
Стать без имени, без роду,
В пу́стынь обратить пустырь.

Простоять на камне вечность,
Отмолить хмельную Русь,
Вскрыть ей, дуре, бесконечность,
Бренной жизни этой грусть...

Да мешают мне грехи,
Жажда тела, имидж, слава,
Пустяковые стихи,
И поклонников отрава.

● ● ●

По утрам я Моцарт,
По ночам Сальери.
Стал петлею нотной
В потном "Англетере".

Окна на Исаакий —
Купола под снегом,
Старый амфибрахий
Заметает следом.

Вьюга замотала,
Хочется напиться,
Стать пустым каналом
Или белой птицей.

Хочется покоя,
Ангелов на крыше,
Выйти из запоя
И чтоб всё — потише.

Почему я лезу
В петлю в "Англетере"?
Нужно до зарезу
Это новой вере.

Что же, получите
Короля Пальмиры,
Только не взыщите,
Нет в карманах лиры.

Я ее поставил
Под Рязанью, в сени...
По ночам я Сталин,
По утрам Есенин.

николай

Трактора на льду да речи,
Умер старый Николай,
Удил рыбу, склевал вечер,
И отправился далече
С Лебедёвки прямо в рай!

Тишина звездой согрела
Разговор без крепких слов.
На санях поленом тело,
Птица тенью пролетела,
Смерть сближала мужиков.

По тропе ходил он рано
Мимо дома моего,
Фронтовые злые раны,
Красота, камыш, нирвана
Были рыбами его.

Тьма над озером, в тумане
Крики выпимшей родни.
А на острове Буяне
Николая на баяне
Жгут едемские огни.

Дядя Коля в чистом поле.
В шапке, леска на груди.
Красивей, чем смерть на воле,
Где любил бродить дотоле,
Нету, друг мой, рассуди...

● ● ●

Луна зевает на тропарь,
Комета подметает лед,
Собачка воет на фонарь,
Сижу в снегу как... идиот.
Мне чудится, будто
Открылся мне Будда...

Бреду по бесплодному, грязному лесу,
Грызу с голодухи костлявые ветки,
Лосиные мухи терзают завесу
Реальности в самострадающей клетке.

Падшие Ангелы спят в моей шкуре,
Страх, рефлексия, охотники, волки
Сшибают рога, я читал в партитуре
Про свободную жизнь и зубы на полке...

Я сижу на снегу,
В хлев манит теплый бес.
Пардон, не смогу. Сбегу.
Я выбираю лес...

волга

Берега да берега,
Берега у Волги,
Чайки да луны серьга,
Воли ненадолго.

Белоокий теплоход,
Старички и дети,
Капитан — ответный ход
Сквозь рыбачьи сети.

Мимо — лодка на метле,
Дева в платье мокром,
Улыбается петле
Золотистой охрой.

Что-то Волга родила,
Что-то утопила,
А на рыбе — удила,
В небесах — кадило.

А на верхней палубе
Вновь она смеется.
Жало — живо, стало быть,
Все еще вернется.

белая река

И.И.

Недавно его встретил я,
Он мне родня по юности.
Смотрели, ухмылялися,
Да стукали две рюмочки.

— Ну, как живешь? — Не спрашивай...
Всем миром правит добрая,
Хорошая, чуть вздорная,
Но мне уже не страшная...

— А помнишь эту песенку,
Что запивали детством мы,
В подъезде да на лесенке
Стояли наши стороны.

— И свет, окном разбавленный,
Был нам милее солнышка,
И ветерок отравленный
Глотали мы из горлышка...

— И к миру, где все поровну,
Судьба мела нас веником.
А мы смотрели в сторону,
И было все до фени нам.

— И в этой вечной осени
Сидим с тобой, два тополя,
А смерть считает до семи
И утирает сопли нам.

железнодорожник

Мусор вдоль железной дороги,
ползущей по жующему лесу.
Тампаксы, банки из-под тревоги,
бутылки от счастья и лишнего веса.
Смятые легкие от сигарет,
газеты с брехней и следами поноса,
и так далее. Это тысячи лет
гниет и тлеет на склонах откоса.
Пьяный, со слезящимися
глазами железнодорожник
солнечного весеннего спектра
выставил ухо, как подорожник,
колыхающееся от ветра,
слушая вой и зубов скрежетание
наезжающего звука,
ставит стрелку, рвет расстояние.
Переводит в тупик
и сипит: “Ни пуха...”

Поезд исчез, ни тела, ни духа.
Остались лишь я да железнодорожник.
Вошли в его дом. Накрапывал дождик,
да на мокром окне подыхала муха.

“Странные люди, — сказал, наливая
мне старый обходчик настойку из яда. —
Век прожил жизнь, да к счастью, не знаю,
как они там уживаются рядом”.

седьмое июля

Седьмое июля.
Птенцы вывалились из гнезда,
Пошатываясь, как поезда
На проводах-рельсах.
Вспоминают, что ласточка — птица,
И каждая — Колумб и Нельсон,
И ветер, старый возница
В пенсне, с бородой, с ридикюлем
В этом жарком июле
Ловит желтки сачком
И запускает в небо.

Громадина моря, угрюмая птица,
Лишенное крыльев упавшее небо...
Глодает тела мертвецов-капитанов,
Бредущих по дну горизонта к закату.
Громадина моря — бессмертная дата
Создания мира, китов да иванов,
Созвездий, Ассоль, парусов и печали
Причалов, где тех капитанов встречали
Русалки и чайки, красоты неволи,
Объятья невест, вкус текилы и соли.
Громадина моря — могучая львица —
Моя необъезженная заграница,
Мои не пропавшие без вести страны,
Мои моряки, храбрецы-капитаны...

180 см

Сто восемьдесят сантиметров назад
Мы были одни,
Мама, я тебе был так рад,
И девять месяцев лили дожди.
И девять месяцев пела вода,
А потом обратилась в лед,
И Тот, кто съел пуповину и порвал провода,
Благословил наш первый полет.

Сто восемьдесят сантиметров назад
Над нашей бренной землей
Гнал лошадей непокорный отряд,
Разбивая культурный слой.
Империя рушилась, резали власть
Тайны дворцовых теней.
Но земля победила, не позволив пропасть,
Превратила их в стаю камней.

Сто восемьдесят сантиметров назад
Ты вышивала следы,
По которым пройду я и встану у врат
Града небесной руды.

Золотые дороги в холодном снегу,
Я хочу и могу быть живым,
И один сантиметр для нас сберегу —
Мы вырастем следом за ним.

● ● ●

Мне снилась
Мама в мае.
Ночь Мамая
Вилась дорогой в поле.
Чья-то Поля
Шла с ведрами,
Качая бедрами
Земли.
И доносилось пение.
Журавли
Привычно охраняли
Небо.
Заморские растения
Цвели,
И мама рисовала
Их золотистой пылью,
Добавляя
Карминовые
Листья хлеба...
Когда очнулся,
Выйдя из провала,
Светило утро —
Мама рисовала.

любовь, подумай обо мне

Когда огонь ударил в пляс,
а звезды — иглы-палачи,
Когда судьба в урочный час
орало плавит на мечи,
И ветер больше не живет,
и падший ангел на коне,
И никого никто не ждет...
Любовь, подумай обо мне.

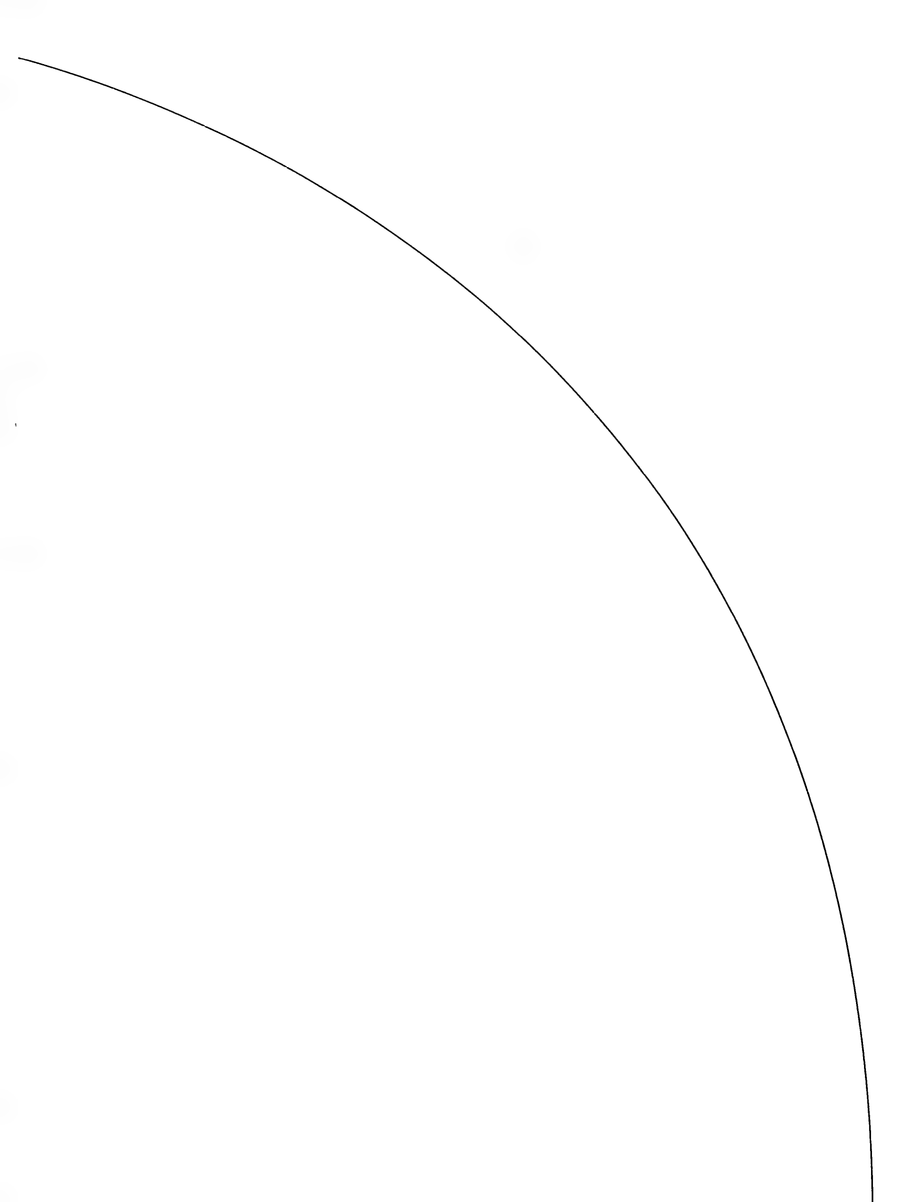
Когда оглохли времена,
и в заколоченной дали
Растет еще одна стена,
и мир, как злые сны Дали,
И различаешь слабый пульс
в заросшей кожею стране,
И не уйти от дуль и пуль...
Любовь, подумай обо мне.

Когда вернется в города живая,
умная вода,
Продолжит уцелевший путь пускай не я,
пусть кто-нибудь.
Я стану пеплом на ветру,
дождями на твоем окне,

И если даже не умру...
Любовь, подумай обо мне.

Храни меня среди огня, мой светлый звук
тебе, мой друг.
Ты кормишь хлеб, ты веришь в соль,
и легок крест, и прост пароль.
И если даже я на дне,
любовь, подумай обо мне.

трек 7

белой ночью

А.Л.

Мосты развели, попался.
В глазах молоко, белена.
Смотрел на Неву, ругался,
Пошел переждать у окна.

Ты можешь в Него не верить,
Но чем измерить
Такую бездну вкуса
В имени Иисуса?

Ощущал свою неактивность в баре,
Задыхаясь от запахов
похоти, корма и гари.

Осенние цветы не пахнут,
пожилые люди не тонут,
Только молодость и весна
норовят провалиться в омут...

Мелочь бренчала в этом подвале,
Шевелилась,
мяла животы
и пластиковые стаканы,
Хулиганы вихляли бедрами,
ворочали языками —
помойными ведрами.
Безнадежная, унылая радость
разбавленного Мураками,
(В этом подвале),
Перематывала кассеты
с музыкальными сопляками.
Какой-то пьяный поклонник
с внешностью вареного рака
Напрягал, доставал
и нарывался на драку.
Нагло смотря на меня,
картинно не замечая,
Как в моем стаканчике чая
плавал Чужой.

В четыре часа утра,
в каком-то обшарпанном баре
под набережной.

Она оживила их, двинула жизнь в эти
Малопонятные берега,
В эти туманные, гнилые дали,
И вернулась с другим пониманием языка,
Печалью, точностью состояния, плотным
Объемом духовного смысла...

А потом пришел друг
С двумя юными дамами.
Они испугались
и не остались...
Когда прошли все суда, что хотели,
Когда похмелились,
Добрался и я
до своей одинокой постели.
Осмотрелся —
ноги и стены стерты,
Лег
и притворился мертвым.

●●●

...Зимы, зимы ждала природа,
Снег выпал только в январе...
А.С. Пушкин

Ты не позвонила,
У тебя проблемы —
С неба тонны ила
Падают на землю.

Нету больше снега,
Грязь с песком на окнах,
Ни шагов, ни бега.
Что-то в небе сдохло.

Вместо песен — глина
Комьями забила
Рты у магазина.
Память у мобилы.

Грязь всё понимает,
Знает — что такое.
Грязь теперь летает.
Грязь теперь живое.

Ты не позвонила —
Город съела сера,
Наступила Сила,
Воцарилась Мера.

Суетятся волки
У очков разбитых.
Соберу осколки
За любовь убитых.

война бывает...

Война бывает детская, до первого убитого,
Потом не склеишь целого из вдребезги разбитого.
Душа, брат, не оправится, исключена гармония,
Немало видел я ребят на этой церемонии.

Смотрю в его глазах тоску я, как по телевизору,
А мирный дым, накрыв окно, плывет дорогой сизою.
И как несвежая роса, в стаканах водка мается,
И я молчу, и он молчит, но память не ломается.

Война бывает голая, веселая, ужасная.
Война бывает точная в разгуле рукопашного.
Хожу, брожу проспектами, фонарики качаются,
Война бывает первая и больше не кончается.

Война кипит победная — до первого сражения,
А после, брат, как и везде, — сплошные умножения.
Бывает справедливая, бывает языкастая,
Для нас не очень длинная, паркетным — безопасная.

Стеной соседской лается жизнь старая и новая,
А наша не меняется, все та же, брат, бедовая.
Сидим на кухне, празднуем, жена придет сердитая,
Война умрет под плитами последнего убитого.

Вопрос, зачем и почему, оставим без внимания.
Мудрец сказал: “Господь дает по силам испытания”.
Пускай мы стали пьющими, моральными калеками,
И все же, брат, не гнидами, а все же человеками.

10 - 2428

мальчик-слепой

Мальчик-слепой,
В розовой курточке,
В синих штанишках,
медноволосый,
В белом вагоне
цветной электрички.
Мальчик-слепой.
Беспомощно вертит перед собой
Наколотыми на...
на пальцы глазами.
Задающий обычные
детства вопросы
Бабушке, втиснутой в бежевый плащ,
Бабушке, дремлющей блоком тепла.
Бабушка! Бабушка!..
Как мы едем?

Мальчик-слепой,
Что ждет тебя в этом
Заколоченном,
визгливом пространстве?
Выпрашивать мелочь
на грязных вокзалах?
Клеить картонки?
Мычать на баяне?

Напиваться на ощупь

с больной проституткой?

Или услышать и...

Подарить миру музыку?

Бабушка! Бабушка!..

Как мы едем?

Что мы видим?

Чем мы любим?

детская больница

Эльфы, гномы и принцессы,
Артемоны, Карабасы,
Волшебства и тайн завесы,
Пляшет солнечная раса.

Ангел мой, взгляни в окно —
Скачут сказочные кони.
Всё нам видно, всё дано,
Добрый рыцарь на ладони.

Игры, беготня, капризы,
Вспышки слабой красоты.
Детство видишь только снизу.
Детство, это там, где ты.

Шаловливые проказы.
Мармелад торчит из ножен,
Жизнь прекрасна, ветер важен,
Детство рядом — мир возможен...

Только злые метастазы
Собирают ночь в прихожей,
Только гибельные бласты,
Словно сгорбленные тени,

Лезут липко на колени,
Расползаются под кожей,

Режут легкие, как сверла,
Разбирая небеса,
Раздирают ядом горла
И крадут их голоса...

Пьет бессонницу больница
На простуженных ветрах.
Улетают листья-лица.
Спящий ангел на руках.

нежность

Нежность существует без причин,
как небо и стихи.
Потуши сигнальные огни —
закончилась война.
Ты танцуешь чудом по ночам,
движения легки,
Я радею голый о любви —
душа моя полна.
Я лежу, распаханный весной, —
все песни о тебе,
Как всегда, “верха” не говорят
и не хотят “низа”.
Проигрыш, победа и ничья
гуляют по судьбе,
А за окном глотает облака
Шагалова коза.
Умираю каждую весну
от строгого поста,
Ангелы на крышах говорят —
возможен недород.
Видел у Фонтанки на коне
веселого Христа,

Он скакал с Аллахом по осям,
по точкам спелых нот.
Сколько одиночества в гостях
у женщин и мужчин,
Он рукой замерзшею сведет
ментальные мосты.
До тебя безумно далеко,
как детству до морщин.
Проигрыш, победа и ничья —
движения просты.

рождество 2002

Экзистенции бродят по нашему древнему миру,
Тьма молчит, не желая, чтоб вышли из плотного тела
Невесомые вещи — полет и любовь чистотела,
И неясная смыслу тоска одинокой квартиры.

Рождество наступило трансляцией в телеканалах,
“Ящик” — тоже от Бога в эти бессонные ночи.
Что-то едет быстрее, а стало быть, вышло короче,
Только служба застыла, как лед в петербуржских каналах.

Спит мой сын, мы сидели весь вечер у детства Толстого,
Эта жаркая, пыльная проза разъела сугробы,
И слегка улыбаясь свидетельствам старого слова,
Принимали ребенка снега палестинской утробы.

Жизнь проходит, она не всегда бесконечное чудо.
Месит грязь суета, не жевавшая соль благодати,
Я вскочил на карниз и спросил у смущенного люда,
Что же завтра сомкнет наши жадные, нервные рати?

рождество 2005

Сырая тайна Рождества
В замерзшем белом склепе-мире.
Симметрия ведет волхва
Движением по нитке в тире.

И полнолунием полна,
Лежит перед волхвом отравой
Скупая тень, гора-волна,
Гнилая римская держава.

Волхвы дойдут, вернут дары,
Сфотографируют младенца,
Сожмут в руках два наших сердца...
Родятся новые миры...

рождество 2006

Тихо, тихо, незаметно
Вихри ангелов легчайших
Кружат в небе фиолетном,
Мягко, мягко, на кошачьих
Лапах утро расплетает
Пальцы. Тонко затаилась
Под иконою лампадка.
Ты опять в меня влюбилась
И разбилась без остатка...

Дверь открыть и выйти в поле,
Где играют свои роли
Жизнь и смерть, а Небеса
Излучают чудеса...

рождество 2007

Январским вечером храним,
Под ледяными куполами
Стою, невидим, невредим.
Любим землею, но не Вами.

Вы постоянно в стороне.
Как смерть,
Близки и неподвластны,
Но тем не менее прекрасны,
Как сны о мире на войне.

Я понимаю, что у Вас
Таких, как я, довольно много,
И не украсит Ваших глаз
Моя нелегкая дорога.

Но я ищу, ращу слова,
Вам посвящаю каждый вечер,
Как объяснивший небо кречет.
Как хлеб, познавший жернова.

Сегодня ночью Рождество —
Звезда рассыплется на свечи,
И мы сольемся в Одного,

И Он возьмет, и Он ответит,
И поведет нас под венец,
У алтаря откроет тайну —
Что все на свете не случайно,
И смерть для жизни не конец.

трек 8

рождество 2009

Все та же грязь, разруха, воровство,
Все та же Азия меж двух евростолиц
Откинулась. С российским Рождеством
Я поздравляю выживших синиц.

Все та же паранойя и тоска.
Все тот же пафос съездов, и народ
Обещанного молча ждет куска,
Ведь у народа тот же самый рот.

Все та же неолитовая власть.
Сверкают лозунги "Все будет зашибись!"
У власти та же ментовская масть.
Из носа сломанного те же кровь и слизь.

Все тот же бодрый прет патриотизм.
Аэропланы в небе, на дровах.
Все те же Ленин, Сталин, коммунизм
Застряли крепко, в буйных головах.

Зады и ноги мучает попса
О том же главном, что среди яиц
Встает с колен. Все те же голоса
Льют позитив с гламуристых страниц.

Банкуют вражьи рыла у ворот,
И реформаторы на ржавых фонарях
Висят. И старый добрый "Новый поворот"
Поет хор прапоров у Грузии в гостях.

Унылый мир, нетрезвая война,
И снова мальчики лежат, уткнувшись в снег...
Все той же жертвы ждет от нас страна,
И тот же нужен жертве человек.

Решетки те же, в тюрьмах и дворцах
Рожает в старых храмах пустота,
И те же камни в золотых ларцах
Волхвов, что ищут юного Христа.

контрреволюция

Контрреволюция, наехав на нас,
довела до больницы — вырос живот.
Рок-н-ролл стерт, я учусь играть джаз,
но меня рвет — полный рот нот.

Старости нет, есть только усталость,
от баррикад — ничего не осталось.
Скупые коллеги, любовь на панелях,
бутылки от пива — на рок-батареях.

Контрреволюция ставит вопрос,
как подключить к тебе мой насос.
Шелестит шоколадками вечная глупость —
твоя дальнозоркость, моя близорукость.

Справедливость еды и вечная жажда,
как выйти сухим из воды этой дважды.
Жить по Писанию, но веруя в “если”,
эксгумируя спьяну великие песни.

И многое здесь переварено в студень,
умные мысли надежней великих идей.
Контрреволюция — не всем, как людям,
а — каждому, как у людей.

11 - 2428

И лучшие чувства давно не с нами,
доскреблись до чистилища, разгребая завалы.
И, как водится, вслед за погибшими львами
бредут, разбирая их кости, шакалы.

Северный ветер рвет ваши тени —
Че Гевара, Вольтер, Гарри Поттер и Ленин.
Контрреволюция добра и гуманна,
но очень туманна и непостоянна.

Есть в “демократии” что-то такое,
до чего неприятно касаться рукою.
От чего тошнит в запаянных кухнях,
ждем, когда и эта стабильность рухнет.

Утонул наш “Титаник” в шампуне и водке,
тусуясь на майках дешевой рекламы.
Попса носит модные косоворотки,
пробитые кровью погибшей нирваны.

Поглупевшее время заела икота,
я тоже буржуй — у меня есть холодильник!
Пятнадцать гитар, осень, ночь и будильник,
но мне не до сна — изо рта лезут ноты.

Дураки называют нас совестью рока,
циники видят хитроумный пиар.
А я не желаю дохнуть до срока,
у меня в глотке рвет связки дар!

Всё возвращается на круги своя,
рок-н-ролл когда-то — ты да я,
Но контрреволюция всегда с тобой,
лежит в постели третьей ногой,
Сексуально нагой,
виртуальной ногой,
экзистенционально нагой...

рабочий квартал

В рабочем квартале — зима,
рабочий квартал — снег.
В рабочем квартале сходит с ума
шлакоблочной кривой новый век.
Пьяные дети холодной страны
сплевывают новый гимн.
Инвалиды бескрайней, чеченской войны
атакуют ночной магазин.
Рабочий квартал — дешевая брошь,
рабочий квартал — шинель.
Выползает голодная, бледная вошь
на рабочую, “бля”, панель.
В рабочем квартале не спят,
рабочий квартал — ножи.
В рабочем квартале всю ночь матерят
очередной режим.
Раненый ветер снует по углам,
газеты летят на юг.
Дожди и реклама стучат по мозгам —
не влезай на меня, убью!
Рабочий квартал — угрюмый оскал,
столетия — кость да ложь.

Рабочий квартал споткнулся, упал —
алкогольная злая дрожь.
В рабочем квартале зубы из стали,
рабочие руки сильны.
Проедают свои трудовые медали
пионеры счастливой страны.
В рабочем квартале жгут светлые дали
в мартеновских лютых печах.
Как небо, титаны державу держали
и носят ее на плечах.

наша борьба

Наша борьба подвела к венцу,
На стене телевизором — тюремная клеть.
Спор о начале вновь подвел к яйцу.
Мы сидим за столом и пьем свою смерть.
Солдаты духа, мы горим в трусах.
Слишком много эротики, да мало любви.
Страну закопали в этих кустах,
Кого ни спроси — се ля ви!

И мы дарим друг другу время на память,
Россия — женщина с героическим прошлым,
Немного светлым, немного пошлым.
В подъезде с настоящим, как вечность в стакане.
Я думал она — мать, оказалось — beer.
Я для нее неактуален и вреден.
Но я достаточно богат, позвольте, леди!
Печально смотреть на мир.

И кто будет драться, если завтра война?
Кто снова ослепнет, штурмуя свет?
Двойного гражданства у неба нет,
У земли нет амбиций, но есть она —

Россия, женщина с разбитым лицом.
Для кого-то ротик, для нас — пасть.
Россия — невеста, век с мертвецом,
Мы так напились, мы готовы пропасть!

И наш патриотизм не очень высок.
Он — не фужер на банкете, не танцор нагишом,
Он не гимны, не марши, не речей песок,
Он наивен, прост и даже смешон.
Он — не дубина, не народ, не вождь,
Не чугунный цветок в гранитной руке...

Он там, где мы хоронили дождь,
Он — солнце, тонущее в реке.

93-й год

Страна швыряла этой ночью мутной сволочью,
И разменяв добро на зло,
как деньги старые на новые,
Рванула! Асфальт, когда он на щеке,
как водка с горечью,
И окна, окна были первые, готовые.

И зло на заливном коне взмахнуло шашкою,
Добро, оно всегда без кулаков —
трясло культяшками,
Пыталось жалость убедить
помочь, опомниться,
Но все быстрее и точней летела конница.

Аплодисменты! На манеж под звездным куполом
Повыпускала ночь зверей, и замяукало,
И заалёкало, вспотело, вмиг состарилось,
И побледнело, и струхнуло, и затарилось,

Чем Бог послал, а черт, а черт подсунул им,
Да, он ведь старый театрал — он любит грим.
Тела вдруг стали все огромные да полые,
А пьяница-сапожник память,
как всегда, оставил пленки голыми.

Страна швыряла этой ночью, ночью-сволочью,
Страх покрывался матом, будто потом,
страх брел по городу.
Закат, когда он на щеке, как водка с горечью,
Ночное небо это было дотом,
оно еще напоминало чью-то бороду.

Провинция уткнулась грустно, нервно в телевизоры,
А кто-то просто шел домой и ел яичницу.
Дышали трупы тихо, мирно под склянками провизора,
А кто-то в зеркале вертел уже своею личностью!

Страну рвало, она, согнувшись пополам, просила помощи,
А помощь танком по лоткам — давила овощи.
Аплодисменты, “бис”, везде ревело зрелище!
Стреляло “браво” по беде, увидишь где еще.

Страна рыдала жирной правдой,
так и не поняв истины,
Реанимация визжала, выла бабой,
последней нашей пристанью.
Пенсионеры с палками рубились
в городки с милицией,
А репортеры с галками их угощали блицами.

Судьба пила, крестясь, и блядовала с магами,
Брели беззубые старухи с зубами-флагами,
Да, повар-голод подмешал им в жидкий стул
довольно пороху.
Герои крыли тут и там огнем по шороху.

И справедливость думала занять чью-либо сторону.
Потом решила, как всегда,
пусть будет смерти поровну.
Да, погибали эти крыши, эти окна первыми,
Все пули были здесь равны, все мысли верными.

Аплодисменты, "бис", везде ревело зрелище!
Стреляло "браво" по беде — увидишь где еще.

И лишь в гримерке церкви —
пустота, в тиши да ладане,
Где чистота и простота, где баррикады — ада нет,
Она горела в вышине без дыма-пламени,
Я на колени тоже встал, коснувшись этого
единственного знамени...

Страна швыряла прошлой ночью мутной сволочью,
Страна скребла лопатой утром
по крови, покрытой инеем,

Да, по утрам вся грязь, все лужи отражают синее,
Асфальт, когда он на щеке, как водка с горечью,

На память — фото пирамид
с пустыми окнами-глазницами.
Аплодисменты! Чудный вид! С листом кленовым
да с синицами!
А будущее, что только родилось, беззвучно плакало,
А время тикало себе, а сердце такало.

кавказские войны

Кавказские войны — победы побитой России.
Кавказские войны — мои высокие поражения.
Русые волосы русской Анастасии,
Чеченки Беллы кошачьи телодвижения.

Для геополитики, даже если их нет,
всегда нужны белые пятна.
Кавказ необходимо было завоевать,
пустить в свет и сделать приятным.
Государь император отдал приказ, и поехали казаки
Со свистом и гиканьем отрезать дорогие куски.

Господин президент тоже сказал свое веское слово:
Кавказские войны — наша демократическая дорога!
И полки поползли умирать
в перестроечной тесной обнове.
Кавказские войны — всего лишь два имени Бога.

Леса и обрывы, лощины, над фугасом колеса,
На траках чеченская грязь
в обнимку с русскою кровью,
Вайнах, имеющий всех с вершины крутого утеса,
Горянка с изогнутой, жалящей саблею вдовью.

Глаза, стреляющие из-за саманных заборов,
Вечный огонь из нефти у хлева, в асбестовой раме,
С прищуром улыбки, беда и тоска разговоров,
В прицеле — ползущая точка без ног,
по этой крутой панораме.

Вообще-то любая война — тяжелейшая правда на свете.
На ней так много гранат и вранья, что она неподъемна.
И великая ложь существует в каждом,
самом честном ответе.
Под обстрелом, в щели понимаешь,
как это слово объемно.

И Дудаев, и Рохлин где-нибудь и сейчас
в героическом месте,
Обсуждают стратегию, кроют начальство,
выпивают, слушают песни.
Кавказские войны — сомнение и горе, покаяние
и постриг прогрессивной России.
Что выкусили, тем, безусловно, выпили и закусили.

Я тоже там был, страдал духовно и скотски,
Маршей не написал, не накачал ума и фигуры,

И как написал утонченный Иосиф Бродский,
Бурю, увы, не срисовать с натуры.

И как камер-юнкер Александр Сергеевич Пушкин
В своем путешествии в Арзрум
Не выдал стихов, чтоб хотелось под танки и пушки,
Не состряпал хитов показательный
государственный штурм.

Что мне ваши победы на чистом, кремлевском асфальте,
Ваши бодрые речи в хрустальных немецких бокалах,
Кавказские войны горят именами на черном базальте,
Как купол погибшей "шестой"
на бетонных стропах-кинжалах.

Помню детский рисунок с маленьким, ласковым солнцем,
Смятый бурым поносом у фронтового, кривого сортира, —
Летели по небу радугой кадмий и стронций
И контуженный голубь в поисках лучшего мира...

коза и гусь

Они вышли ранней весной
Из средневековой тьмы…
За столетия голод, тоска и гной
Сплавили “я” в “мы”.

Не осталось иных амбиций —
Папа Урбан отдал приказ,
Начертав на норманнских лицах:
“Дева-мать призывает вас!”

Крестоносцев — десятки тысяч
Дети, бабы, обозы в грязи.
Разогнать сарацинов, высечь —
Не сойти им с этой стези!

Вместо карты — кресты и псалмы.
Неизвестна дорога — пусть!
Им монах прокричал, помутивши умы,
Что спасут их коза и гусь.

“Мне знамение указала,
Распустившись зимой, лоза,
До изобилия хлеба и сала
Доведут эти гусь и коза!”

Убежден был монах и горяч:
“Гроб Господень освободим!”
И полезли на тощих кляч
Нищий рыцарь и иже с ним...

И крестьяне, махнув рукой,
Что терять, окромя нолей?
Может, там обретем покой,
Рай ведь он, брат, без королей!

Промысел Божий для люда —
Необъятен, необъясним,
И поверив в далекое чудо,
Они двинулись в Иерусалим.

Впереди огромной армады
Неторопливо плелись коза,
Старый гусь, а во главе парада —
Их бессмысленные глаза.

И на любой поселок и город,
И на чужие, худые поля
Дети, тыча в гнилые заборы,
Вопрошали: “Святая земля?!”

Долго галлы плутали в глуши,
Атакуя болезни и мрак,
Не нашли ни земли, ни спасенья души,
Съели цель, лошадей и собак.

Через месяц они пропали.
Кости смыли дожди и грусть.
Только травку у моря щипали
"Герострaты" — коза и гусь...

12 - 2428

● ● ●

Там, где тьма стоит у света, где небритые умы,
В смысл не веря от Завета, чтут наказы из тюрьмы.
На спине таскают время да ссыпают на весы,
Чистят мраморное темя, кормят Спасские часы,

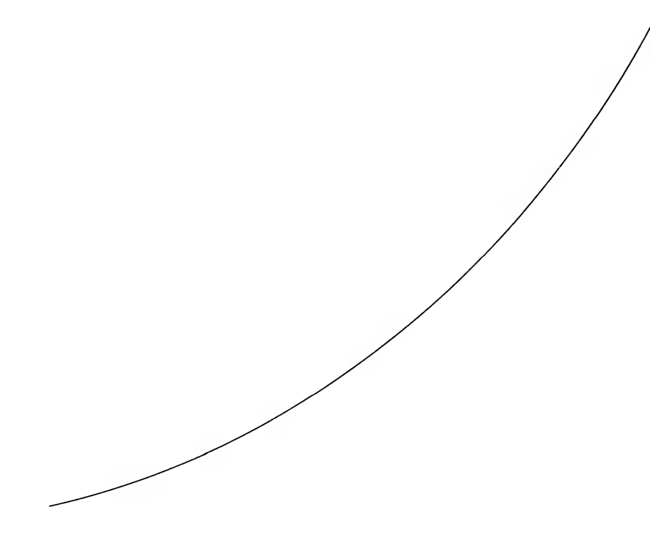
Днем кряхтят под образами, воют в небо по ночам,
Не в свои садятся сани, а потом всё по врачам.
Сколько буйных с плеч срубили, не пришили ни одну,
Тянут песнь, как деды жили, сами мрачно да по дну.

Берегут до первой смерти, отпевают до второй,
Всех святых распяли черти, Бог, наверно, выходной.
Всё не в масть и всё досада, света тьма — да света нет.
Завели хмыри в засаду и пытают столько лет.

Днем со свечками искали выход в жизнь, где всё не так,
Дырок много, все слыхали, а не выскочить никак.
Там, где тьма молчит у света, там, где свет кричит у тьмы,
От Завета до Советов бродят странные умы.

Волосатыми глазами шьют дела, куют детей,
Запрягают летом сани и похожи на людей.
Эй, прокашляй, вша живая, спой негромко под луной,
Как я на груди сарая спал счастливый и хмельной.

Снились времена другие, мир без дури и войны,
Девы стройные, нагие, парни — крепкие умы...
Что принес благие вести белый Ангел на крыле.
Все мы на перине, с песней, строим небо на земле.

* * *

Мусульманский месяц вышел,
Я дышу, гляжу в окно,
Предо мной арабских чисел
Неподъемное гумно.

В темноте деревня тает,
Месяц-бритва, зол и крив,
На меня соседка лает —
Вот такой императив.

На полях траву сухую
Жгут, и чтоб не погореть,
Я судьбу села старуху —
Обмочил овин и клеть!

Месяц тонкий, дикий, фавный,
Как кинжал, разбойный свист,
Целит в нас антидержавный
Мусульманский террорист.

Бабы у сельпо сквалыжат:
"Не украл бы лиходей!"
Спите, я насквозь вас вижу,
Коробицинских блядей!

Честь свою не потеряю
И не дам селу пропасть,
Хоть и пью, и хата с краю —
Все же я совхозна власть!

змей петров

Рожденный ползать получил приказ летать.
"Какой летать? Я, братцы, неба-то не видел".
"Что за базар? С горы видней.
Не рассуждать, ядрена мать,
Чтоб завтра были, змей Петров, в летящем виде!"

Приполз домой, а там рыдает вся родня.
"Рожденный ползать, папа, он летать не может".
"Ах ты, щенок-интеллигент! Что отпеваете меня?
100 грамм для храбрости приму, авось поможет.
Есть установка всем летать, всем быть орлами,
А тот, кто ползает еще, тот, гад, не с нами.
Летать, наверно, я люблю, не подходите, заклюю!
Начальник все мне объяснил: "Я птица — Ваня!"

С утра весь в перьях змей Петров ползет к горе.
Два санитара подтащили к облакам.
Начальство рядом в государственной норе...
Ужом скрутились потроха, злой санитар сдавил бока,
А он курнул и прохрипел: "Уйди, я сам.
Ну что ж, прам-пам-па-ра-ра-рам со всеми вами!
Эх, мать!.." Прыжок — и полетел куда-то вниз,
Но вот за что-то зацепился и повис...
Меж валунами облаков пополз, глядите, змей Петров
И скрылся где-то глубоко за небесами.

● ● ●

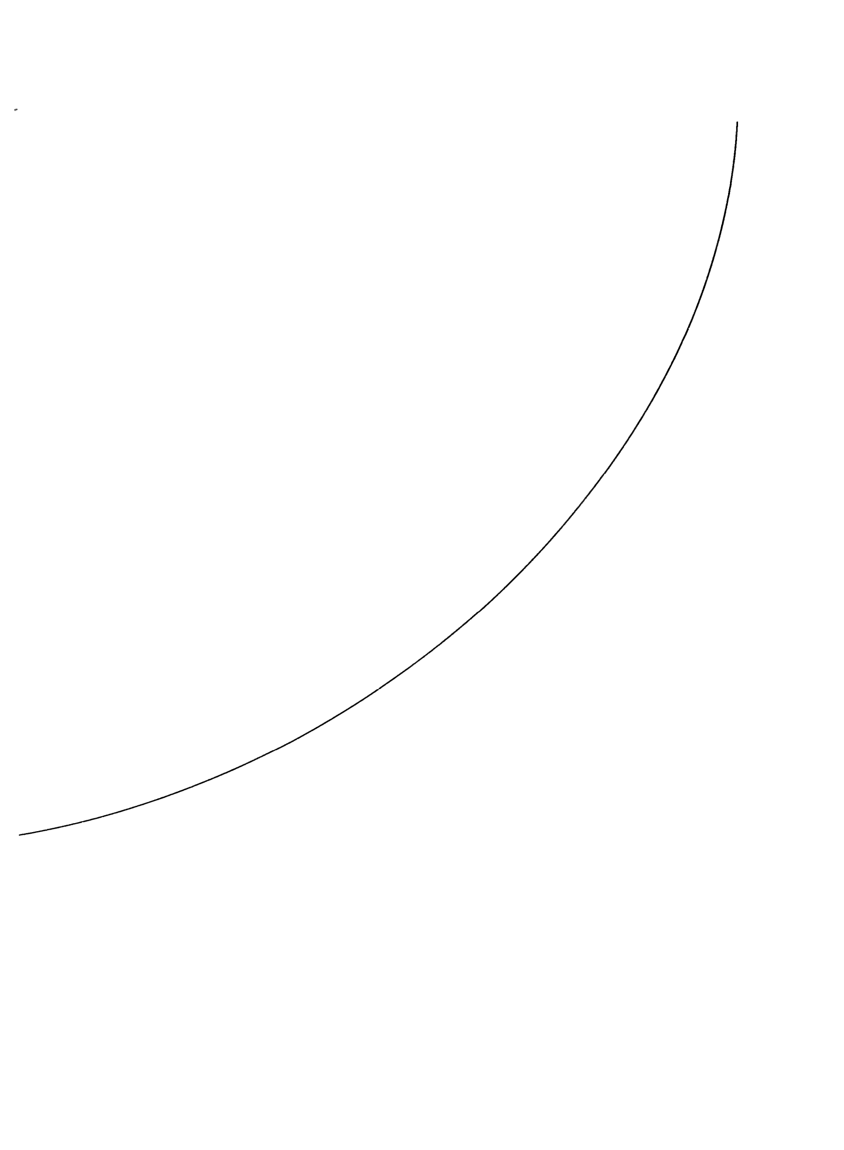
Мы вечно в пути, мы — голодное где-то.
Мы отчаянная, ненадежная жизнь.
За краюху безумного этого света
До последнего, парень, держись.
Крест на изорванной,
штопаной коже,
Под тельняшкою рвется и пляшет душа.
Я смотрю на живые и грязные рожи,
Дорогие мои кореша.

Без погоды, в дерьмо и кипящую воду
Вылетаем, надеясь успеть до зари.
Мы — недоеденная свобода,
Мы — солдаты удачи, судьбы звонари.
Крест висит на соленой
от прошлого коже,
Под тельняшкой горит и рыдает душа.
Чье-то небо целует наши пыльные рожи,
Чье-то небо нам отдается спеша.

Мы спасаем наш мир от дряни и порчи,
Заедая тоской и надеждою снег.
Мы стоим над могилою-пропастью молча,
Наблюдая, как в вечность ползет человек.

Почерневшая от предчувствий и страха,
Бьется жила на белом от боли виске.
Мы в последнюю, ночную атаку
Поднимаем себя с живота, налегке.

трек 9

джульетта

Играла женщина Джульетту.
Играла с чувством — бурно, смело,
ходила вкривь, фальшиво пела
и пропускала по куплету.

А умирала так визгливо,
что я заплакал о поэте.
Да, пьеса сыграна правдиво, —
печальней нет ее на свете!

диана

Семь утра,
Превосходный рассвет,
Телевизор,
Похороны принцессы.
Моя харизма -
Бежать от алкоголизма,
Которого может быть нет.
FUNERAL,
Вестминстерское аббатство,
Торжество,
Пышной печали братство.
Princess Diana`s Funeral!
Апельсиновый Паворотти,
Заработавший Элтон Джон,
Селёдка английской готики,
Бах, колокольный звон.
Великолепная музыка,
Канонические виражи -
Материальные миражи.
Подушка любимого Тузика,
Озабоченная королева,
Речь брата о главном,
А над ними Адам и Ева
В грехопадении славном.

Холодно и спесиво...
Овации домохозяйки,
Докера и прораба,
Парижское визави.
Красиво,
Хоронили простую английскую бабу,
Погибшую от любви.

Эшли

Двадцать третье июля,
паук на окне. Не жарко.
Закат, как собачьи слюни,
как вино от святого Марка.

Эшли, Америка, Кеннеди,
фары, шуршащие прелести,
смех Мерилин и челяди,
бабочки, звезды, челюсти.

Вечер, как память мертвого,
как любовь еще не пришедшего.
Эшли — трава натертая.
Мисс Америка — сумасшедшая.

Она чуть пьяна, красивая,
в глазах — капли нежной грязи.
Беззащитная, не спесивая.
Непорочны слепые связи.

Он крут, он глядит уверенно.
Он Цезарь — войне, Нерон — сладости,
но не знает еще, что отмерено
ему и ей легкой радостью...

Двадцать третье июля.
Кондиционер, не жарко.
Вечер. Кровать. На стуле –
Евангелие от Марка.

● ● ●

Ч.Х.

Чулпан —
Дурман медовых голосов
Из легких.
Театр-день, театр-ночь,
Веревки.

Чулпан —
Чулан, где я не чую рук,
Не слышу тела.
Ты в темноте успела рассказать
Все, что хотела.

Чулпан —
Стакан хрустальный вылетел в окно,
Прозрачней смысла.
Я видел, как твое последнее кино
Сжигало числа.

Чулпан,
Я пьян, но только не коньяк
Тому причиной.
Ты объяснила мне, кто женщина сейчас,
А кто мужчина.

● ● ●

С.Б.

Разгребая ручищами воздух,
Выдвинув тела лестницу,
Покачиваясь над толпой,
В обнимку с гремящим голосом,
Кося лошадиными фарами,
Наполненный пьяными чарами,
Вскрывая штыками ног
Животы прыщавых дорог,
Шагает печальный Брок.
Вертикалится он, дон-кихотится,
Белозубо кокеткам скалится,
Наблюдая, как небо старится,
Как каналы тоской беломорятся.

- 2428

● ● ●

к.г.

Десять лет, как живем вдвоем,
Хотя встречи кро́тки и кратки.
Наш роман не гора — водоем,
Дышат вместе клочки и заплатки.
Но если есть под душой перина,
Это ты, Катерина.

Если душ есть, песок и море,
Значит, есть Секре-Кер в Париже.
Чту печаль в твоем нежном взоре,
Мы с тобой то дальше, то ближе,
Но если моет мне кто-то спину,
То это ты, Катерина.

Добрей тебя и нежней — не видел.
Верный друг, для родных — святая.
Ничем Бог тебя не обидел,
Но я вечно бегу от рая.
Кто звезда украинского сплина?
Конечно ты, Катерина.

Что грешки нам — палки да ёлки,
Все случается в долгой разлуке.

Но о твоей ахматовской челке
Говорит не язык мой, а руки.
И если пью я французские вина,
То только с тобой, Катерина.

Пред тобой виноват, не спорю,
Вынес мусор прибой кипящий.
Но если будут песок и море,
Станет и наша жизнь настоящей.
И если вспыхнут стихи у камина,
То лишь для тебя, Катерина.

Полетали с тобой немало
Между Киевом и Пальмирой.
И гораздо надежней стала
Наша связь с посторонним миром.
Метафизическая эта картина
Отражает нас, Катерина.

В суетливой борьбе мирской
Я — твой Мастер, ты — Маргарита.
Я еще не совсем неживой,
Да и ты еще не убита.

Слава богу, жужжит пружина
Наших часов, Катерина.

Ты сама никогда не звонишь,
Да и меня постоянно нет дома.
Красота расставаний в том лишь,
Что с новой встречей все по-другому,
И никогда нас не съест рутина
Благодаря ветрам, Катерина.

300-летие петербурга

Миллионы Петров разобраны на сувениры.
Сплетни и мифы разлили Неву на глотки,
Но даже в это великое время для нашей
“жаркой и знойной” Пальмиры
На одного интеллигента найдется дождя и тоски.
Замочили сознание прошлого — капель по триста.
Под нашим средневековым небом клёво дышать,
В Петербуржском классическом Риме
ты — гордая императрица,
В Ленинградской Италии — чья-то грешная мать.
Солдат из пещеры смотрит на цивилизацию,
Деревенщиной мнется и просит у всех закурить.
И проспект всех культур и политик, религий,
тусовок и наций
Ублажает прохожих. Как этот град не любить!
Брали действие в рот и жевали сей праздник — зеваки,
За пределами шествующих мимо них — масс
Губернатор сидел невпопад, с видом побитой собаки,
И выпивал иногда, когда не пялили глаз.
И гремели “Херотовы” шоу и наши салюты,
У “Гостинки” торчали буржуи и большевики,
И убив три столетья величия —
победно кричали минуты,
И, как в семнадцатом, мимо — недоверчивые мужики.

Вдоль каналов бродила история —
пьяна до бесчувствия.
На помойках туристы ловили религиозный экстаз.
Осознавая, что значат жертвы горожан
во имя искусства,
Молодые Раскольниковы с чувством фарцовали у касс.
И город летал на ветрах, полон зрения и слуха,
Утонули в моче спасатель и пенсионер.
По канализации здесь вычисляют
высоты прилива и духа.
Если тебя придавили в толпе — это Музыка сфер.
Отреставрировали мертвецов под гнилыми домами.
Неужели, наш город, уходим под землю и мы?
Суетимся, шныряем, поем и звеним
по весне — кандалами.
Нас, как бабочек, тоже наколют на тело этой весны.
Но слава богу, город стоит, невзирая на громкие даты,
Хоть раскрашен, как блядь, во рту платина новых домов.
Продолжают на солнце гореть невесомые купола-латы,
Он готов к своей вечной борьбе
у пяти бесконечных углов.

● ● ●

Крики чаек и культуры,
Дорогие першпективы,
На каналах с пивом — дуры,
Неумны и некрасивы.

Ваши честные колени
Вскрыли небо между нами.
Плачет петербуржский гений,
Вышивая век крестами.

ПОТОП

Москва, под питерским дождем
Поникли башни,
Скользят асфальтовые пашни,
Упал спешащий за огнем.

Я позвонил, убитый Сорос
Сказал — все кончено, темно...
У консульства грызет окно
Созвездьем псов замерзший сторож.

Под облаками-париками
Брела дождливая резня...
Мостил дорогу между нами,
Очередной потоп кляня.

садовое кольцо

И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.

А.С. Пушкин.
“Медный всадник”

Ночь, куранты бьются злее,
Что-то, брат, им невдомек,
Чьи бредут очки да шея,
Кто торчит у мавзолея,
Чей дымится, еле тлея,
Сигареты огонек?

Это я, туманом стылым
Разлагаюсь по Москве,
Духом бледным и унылым,
Злой, контуженною силой,
Надоедливой, постылой,
В беспартийной голове.

Я брожу туманной ночью
По проспектам, по дворам.

Вижу ночью я воочью,
Кто гниет и рвется в клочья,
Как ломают позвоночья,
Остывая по утрам.

Я дышу столичным газом,
Чеченею на ходу,
Ощущаю город — разом
И крестом, и унитазом,
Злым булгаковским рассказом
Как блаженство, как беду.

Наблюдаю, как отравой
Льется шумная толпа.
Жадной, жаждущей оравой,
Тараканьей шустрой лавой,
То ли левой, то ли правой,
Без кувалды и серпа.

У мону́ментов постылых,
У элитных куполов
Вопрошаю, кто взрастил их,
Нервных, но мозгами хилых,
Злых, обдолбанных, унылых
Крепких дур и пацанов?

Да, сейчас другие песни
За столом, куда ни кинь,
Жизнь намного интересней
Под ногой идущих вместе
Под торжественные "Вести"
Янь переползает в Инь.

Я плыву усталым Ноем,
Я кричу спасенным Лотом,
Я кажусь себе героем,
Небесами, звездным роем,
Банкой спермы, геморроем,
А вернее — идиотом.

Ничего не понимаю
Я в передовой глуши,
Замерзаю и сгораю,
Умираю, воскресаю,
Балансирую по краю
В вечных поисках души.

А на улице Арбате
На серебряном канате
Проституток выводили на расстрел.
А из тьмы автомашины

Каучуковые спины
Обещали всероссийский беспредел.

А на улице Тверской,
Эх, в натуре, пир мирской!
Там тусовка, весь бомонд,
Крутят смерти хоровод,
Там любой — и член, и клитор —
Переменам всяким рад,
Он в Кремле стоит за Питер,
Под Москвой — за Ленинград!

А на новеньком вокзале
Под веселым потолком
Гастарбайтеры страдали —
Вывозили их силком,
Без наград и без зарплаты,
Как героев соцтруда,
Увозили автоматы,
Коммуналки-поезда.

●●●

Амбиций нет, остался тихий праздник
уединенной жизни. Несколько котлет,
сестрою присланных, и ветер-безобразник,
как пьяный сторож, вечно гасит свет.

Нет ничего, лишь след на поле снежном.
Лед озера, скользнувший в лунку бур,
пол-литра, щука, ее голос нежный,
— One koffe, please, лямур моя, тужур!

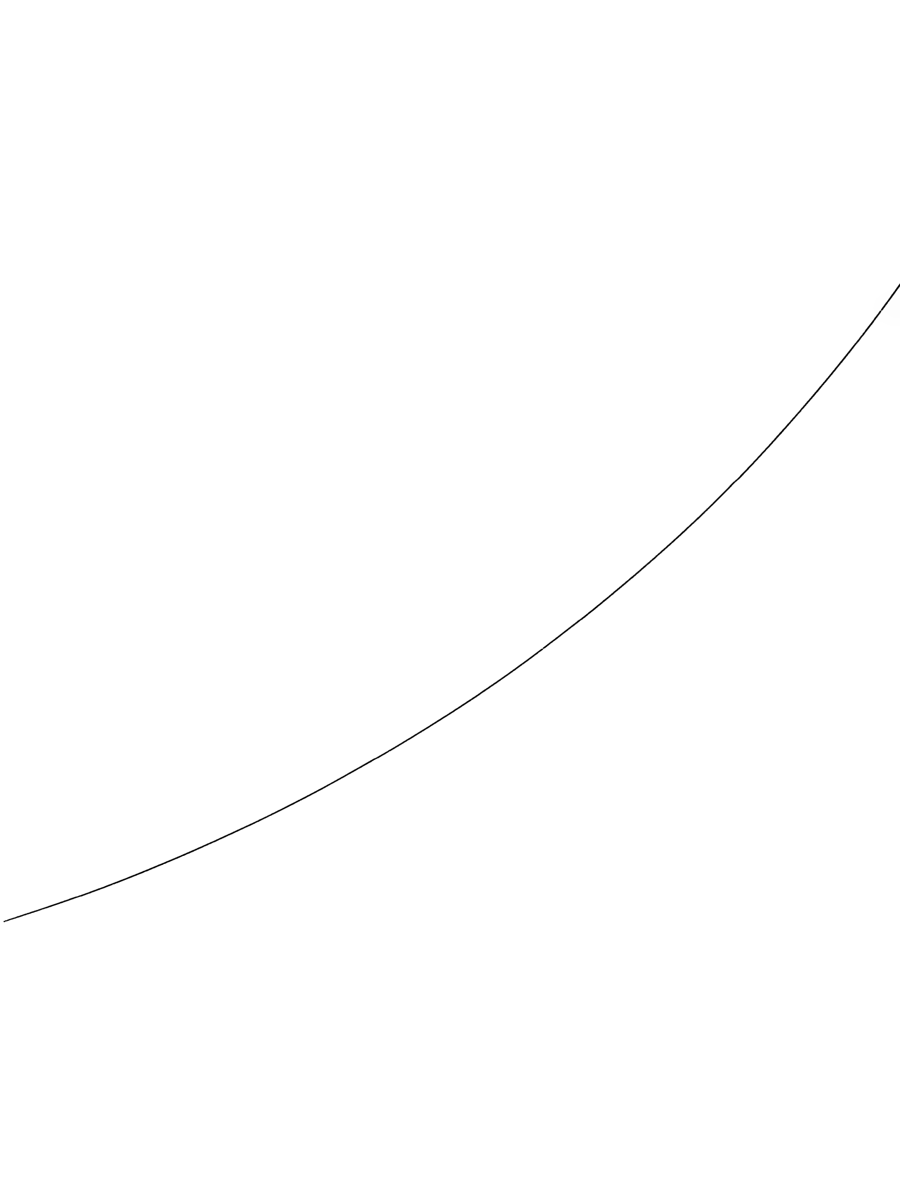
Амбиций нет, давно не рок-поэма.
Скорей — афишка старая, в печи
горят стихи. Но есть одна проблема
— Кто воет там, под звездами в ночи?

Пойду-ка посмотрю, накину ватник,
пальну из двух стволов в кромешный мрак.
Амбиций нет — не брокер, не десантник,
а так, Емеля-ля, Иван-дурак.

Амбиций нет, но есть покой и воля.
И вывел классика на ту же чистоту
приемник старый, шум эфира в поле.
В кармане ватника Лепаж и пачка "Ту".

Кричат ручьи, впадая в милый омут.
На окнах колосится лук-порей.
Я здесь живу, я выхожу из дома,
кормлю с руки нетрезвых егерей.

Амбиций нет, остался тихий праздник
случайной книги. Кошку на столе
мышами рвет. А я, мирской отказник,
любуюсь в небе бабой на метле.

СОЛЬНИК

альбом стихов

художественное оформление
Андрей Бондаренко

руководитель проекта
Вера Конева

Подписано в печать 23.07.2009
Формат 70x108/32. Гарнитура Meta C
Печать офсетная. Бумага офсетная
Усл.печ.л. 6,5. Доп. тираж 5000 экз. Заказ № 2428.

АНО РИД "Новая газета"
101990, Москва, Потаповский пер., 3
Тел.:+7(495)926 2001; факс:+7(495)623 6888
http://www.novayagazeta.ru

Издание осуществлено при участии:
ЗАО "Книжный Клуб 36.6"
107082, Москва, Бакунинская ул., 71, стр. 10
Телефон: +7(495)926 4544
e-mail: club366@club366.ru
www.club366.ru

ООО "Новый регион"
101990, Москва, Потаповский пер., 3

Отпечатано в "Галерея СТО"
Тел.: +7(495)223 2634
e-mail:bumgal@mail.ru

Первые сольники. Урал. 1970-е

На концерте ДДТ. 1980-е

Новые сольники 1990-е гг.

трек 9
трек 5
трек 8
трек 1
трек 7
трек 2
трек 6
трек 4
трек 3

трек 9

трек 5

трек 1

трек 8

трек 7

трек 2

трек 6

трек 4

трек 3

юрий шевчук СОЛЬНИК

альбом стихов

Новая газета

